

Александр Михайловский
Александр Харников

ВЕТЕР С ВОСТОКА

ОПЕРАЦИЯ "МОЛНИЯ"

Крымский излом - 3

Александр Борисович Михайловский
Александр Петрович Харников
Ветер с востока
Серия «Ангелы в погонах»
Серия «Крымский излом», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67779492

*Крымский излом. Том 3. «Ветер с востока» / Александр Михайловский,
Александр Харников: Авторское; 2022*

Аннотация

Российская эскадра, в конце 2012 года неожиданно переместившаяся в начало января 1942 года в Черном море на траверзе Евпатории, продолжает свой боевой путь, безвозвратно меняя историю этого мира. Теперь предстоит разгромить группу армий «Север» и освободить Ленинграда из тисков блокады. Прочитав эту книгу, вы узнаете, как разрабатывалось оружие решающего перелома войны, как удалось избежать трагедии второй ударной армии, сохранить тысячи советских жизней и еще на один шаг приблизить Победу.

Содержание

Часть 9

4

Конец ознакомительного фрагмента.

108

Александр Михайловский, Александр Харников Крымский излом. Том 3. «Ветер с востока»

Часть 9 Перед бурей

15 февраля 1942 года, Полдень. Мурманск. Сводная эскадра особого назначения. Гвардейский ракетный крейсер «Москва».

Обогнув охваченную войной Европу, оставив позади изумленных итальянцев, разъяренных немцев, до смерти напуганных англичан, и ничего не понявших американцев, хмурым зимним утром эскадра особого назначения вошла в Мурманск.

Первой, вслед за эскортным сторожевиком, на внутренний рейд вошел гвардейский ракетный крейсер «Москва», несущий, кроме Андреевского флага, вымпел главкома РККФ. Этот факт сам по себе был способен вызывать фурор. Но вслед за «Москвой» у бочек швартовались «Североморск», «Ярослав Мудрый», «Сметливый», на мачтах ко-

торых также развевались Андреевские флаги. Все это вызывало у очевидцев ощущение чего-то сюрреалистического, нереального. Рядом с этими кораблями лидеры «Ташкент» и «Харьков» под флагами РККФ казались небольшими и совершенно обыденным, хотя их корпуса также были раскрашены футуристическим цифровым камуфляжем.

Практически одновременно Северный флот обрел совершенно другое качество и мощь. До прихода особой эскадры его силы состояли всего лишь из эсминца типа «Новик» дореволюционной постройки «Валериан Куйбышев» и четырех эсминцев-«семерок» советской постройки: «Грозный», «Громкий», «Гремящий», «Сокрушительный». Еще два «новика» – «Карл Либкнехт» и «Урицкий» – находились на долговременном ремонте на 402-м заводе в Молотовске.

За всем этим парадом внимательно наблюдали не очень доброжелательные глаза с борта британского легкого крейсера «Нигерия», который должен был выйти в море вместе с обратным конвоем QR-7 еще два дня назад, но задержался под предлогом «неисправности машин».

Этот факт показывал, что, возможно, не все было ладно в датском королевстве, ибо и сроки прихода особой эскадры в Мурманск, и сама информация об эскадре держались в строжайшем секрете и были известны только узкому кругу лиц в штабе СФ. В данный момент Британская империя после скоропостижной смерти Уинстона Черчилля находилась в тяжелом положении. Новый премьер-министр Клемент Этт-

ли не обладал таким политическим капиталом, как усопший «Уинни», и формула антигитлеровской коалиции «США и Британия плюс СССР» стремительно превращалась в «США и СССР плюс Британия».

И не требовалось быть кадровым офицером Роял Нэви, чтобы понимать, что русские привели сюда это соединение с невыясненной до конца боевой мощью только лишь для того, чтобы полностью обезопасить от немецкого воздействия трассу Северных конвоев.

Этой зимой русская армия уже изрядно потрепала вермахт под Москвой и на Юге, а русский флот мощным ударом разгромил сунувшихся в Черное море итальянцев, потопив два линкора и принудив к капитуляции крейсер. Причем английской разведке так и не удалось установить, каким образом у русских получилось почти одновременно уничтожить два огромных и мощных итальянских корабля. Пугала как сама неизвестность, так и то, что в следующий раз на месте итальянских могли оказаться британские линкоры.

Кроме того, англичане знали, что американцы будут с большей охотой иметь дела с тем партнером, который покажет большую платежеспособность. Именно русские, а не британцы, сейчас правили бал. Лиссабонская бойня легла на репутацию британского флота несмываемым черным пятном. И там тоже были замешаны эти появившиеся однажды ниоткуда корабли под Андреевским флагом. Надо было что-то делать. Но слишком мало имелось достоверной информа-

ции, слишком хорошо русские берегли свои секреты. Любопытные и настырные островитяне были готовы использовать любую возможность для того, чтобы сунуть свой длинный нос не в свое дело. Урок Лиссабона ничему их не научил.

Как только «Москва» встала к бочке, от пристани отошел адмиральский катер. Командующий Северным флотом контр-адмирал Головкин торопился на встречу со своим флагманом. Но спокойно поговорить им не дали. Сначала на «Москве», а потом и на других кораблях особой эскадры взвыли сирены воздушной тревоги. Несколько секунд спустя отозвались «Ташкент» и «Харьков», а вслед за ними сигнал об опасности подхватили стоящие на рейде советские и английские эсминцы, а также силы ПВО Мурманска. Последними зашевелились англичане на «Нигерии».

С севера, со стороны Баренцева моря, и с северо-запада, со стороны линии фронта, к Мурманску, следуя над облаками, приближалось несколько больших групп германских самолетов. Категорическое требование Гитлера «уничтожить любой ценой» оставалось в силе. Еще два часа назад, когда тральный караван только вышел навстречу эскадры, германский агент, работавший в Мурманске, успел передать шифрованное сообщение. Работу радиопередатчика удалось запеленговать, но радист при попытке ареста застрелился.

Его сигнала давно ждали. Неделю назад большая часть немецкой авиации, действующей в Арктике, была сосредоточена на передовых авиабазах Банак и Хебуктен. Первона-

чальный план операции «Морской сокол» предусматривал атаку эскадры в открытом море, но гидросамолеты He-115С, вылетавшие на разведку из Тромсе и Билле-фиорда, либо ничего не находили, либо бесследно исчезали.

Теперь же, когда эскадра была обнаружена, не оставалось ничего иного, как попробовать уничтожить ее массированным налетом прямо в Мурманске, находящемся в пределах досягаемости немецких самолетов. В налете участвовали пять групп бомбардировщиков и торпедоносцев. Со стороны Баренцева моря базу атаковала группа торпедоносцев He-111Н6 в количестве сорока шести машин, со стороны Норвегии на город заходили три группы дальних бомбардировщиков Ю-88А4 (по тридцать шесть машин каждая) и группа из сорока двух пикирующих бомбардировщиков Ю-87D.

Немецкому командованию в Арктике, еще не знающему о катастрофах коллег на Черном море, казалось, что этих сил с лихвой хватит, чтобы уничтожить наглых русских. «Птенцы Геринга» летели навстречу своей судьбе, и им казалось, что над облаками они невидимы и неуязвимы.

Но это было не так. Первая группа «юнкерсов», идущая к городу на большой высоте, была обнаружена за двадцать пять минут до их подхода к цели. Именно это и стало причиной тревоги. С полетной палубы «Москвы» в небо поднялся вертолет ДРЛО. Как только он набрал километровую высоту, советскому командованию стал ясен замысел про-

тивника. Вертолет снова опустили на место, а прибывший в ГКЦ «Москвы» контр-адмирал Головкин тут же начал отдавать команды. Все четыре «семерки» и единственный «новик» разместили так, чтобы они имели возможность поставить заслон торпедоносцам с помощью главного калибра. К ним же присоединились лидеры «Ташкент» и «Харьков». Дистанцию и направление на цель каждому кораблю диктовали с «Москвы». Николай Герасимович решил пока поберечь зенитные ракеты, и на эскадре особого назначения поднялись в небо стволы универсальных орудий и зенитных шестиствольных автоматов АК-630. ПВО города по команде контр-адмирала Головкина должно было поставить на пути немецких самолетов плотный заградительный огонь.

Обычно налеты на главную базу Северного флота происходили следующим образом. Немецкие бомбардировщики, приглушив моторы, подходили к городу со снижением. Пока бойцы ПВО занимали позиции, а командиры лихорадочно рассчитывали установки для стрельбы, все уже заканчивалось. Немцы успевали сбросить бомбы и с минимальными потерями выйти из зоны огня зениток.

Но сегодня все было по-другому. Бойцы заняли свои места у орудий заранее, а данные для стрельбы рассчитывались в другом месте и передавались на зенитные батареи уже в готовом виде.

Первой вступила в бой «Москва», чья башенная установка АК-130 по дальностью лишь немногим уступала

зенитным ракетным комплексам. Немецкие бомбардировщики только готовились пробить облака и выйти на цель, когда она закашляла пятиснарядными очередями. 130-мм зенитный снаряд с радиовзрывателем, наведенный на цель АСУ с радиолокационным наведением – для самолета штука страшная.

Первая же очередь точно накрыла ведущую девятку «юнкерсов», уничтожив в числе прочих и бомбардировщик командира группы. Но эти четыре сбитых и два поврежденных бомбардировщика были только началом, заставившим асов люфтваффе потерять всю свою самоуверенность. Следующая очередь проредила еще одну девятку, потом еще. «Юнкерсы» стали нести потери еще до того, как увидели цели. Было видно, как где-то километрах в восьми от бухты дымные черные полосы – следы падающих самолетов – заканчиваются в белых снегах тундры.

Через несколько минут к голосу «Москвы» подключились две АК-100 «Североморска» и одна – «Ярослава Мудрого». Бомбардировщики стали падать чаще, но их было еще много, и они упорно рвались к цели.

И тут, на рубеже пяти километров, по целеуказанию с борта «Москвы» к зенитному огню кораблей эскадры особого назначения подключилась и зенитная артиллерия ПВО Мурманска. Это была сплошная стена разрывов – и надо было или пробивать ее, или отступать. Потеряв до половины участвующих в налете самолетов, немецкие асы отступили,

сбросив бомбы, не долетев до цели.

Такая же судьба ждала и группу более тихоходных пикирующих бомбардировщиков – их рассеяли и отогнали заградительным зенитным огнем еще на подходе к Кольскому заливу.

Последними к Мурманску подошли торпедоносцы Хе-111Н6. Их тоже встретила стена огня – на этот раз с советских лидеров и эсминцев. Эскадра особого назначения участвовала в отражении этой атаки, лишь передавая данные для стрельбы. На этот раз сплошная стена разрывов встала на море, и, потеряв два десятка машин, эта группа прекратила атаку, а затем сбросила в море торпеды и повернула на свой базовый аэродром Бардурфосс. Операция «Морской сокол» с треском провалилась, а арктическое соединение люфтваффе понесло большие потери и надолго потеряло боеспособность.

Советское же командование намеревалось после недолгого организационного периода полностью взять под свой контроль арктические воды. Требовалось обезопасить советских рыбаков, ведущих в этих водах лов рыбы, а также обеспечить безопасное прохождение Северных конвоев. Чтобы немцы не скучали, советское командование решило провести предложенную товарищем Сталиным операцию под кодовым наименованием «Мгла».

Выводы сделали и наблюдавшие за избиением люфтов англичане. Хотя им и было абсолютно непонятно, как рус-

ские сумели без потерь отразить массированный налет такого большого количества бомбардировщиков, но они сделали определенный вывод: применение авиации против русских кораблей малоэффективно. Разведку Его Величества ждала большая работа и столь же большие разочарования.

Немцы же, на своих аэродромах с ужасом подсчитывающие потери, тоже поняли, что полярный зверь песец, выкопивший силы люфтваффе на южном фланге советско-германского фронта, теперь заявился и к ним. Господство в воздухе было утеряно, и, скорее всего, окончательно. От новых русских кораблей следовало держаться подальше. Немецким войскам в Норвегии и их командующему генералу Дитлю, предстояли «веселые денечки»...

16 февраля 1942 года, 00–05. Северо-Западный фронт, 45 км от Валдая. Позиции 202 стрелковой дивизии напротив немецких шверпунктов Кневицы и Лычково.

Зима 1941-42 годов была самой холодной зимой в России первой половины XX века. Но зима в России – это не только холод, метели и глубокие снега, это еще и длинные ночи. Такими ночами, умеючи, можно творить настоящие чудеса, которым позавидует даже опытный цирковой престижистатор.

Все началось с того, что в первых числах февраля на прифронтовой станции Любница выгрузились шесть окрашен-

ных белой маскировочной краской диковинных гусеничных машин, в которых даже опытные солдаты с трудом распознавали самоходные зенитки. Так или иначе, но вскоре этот район стал для и без того потрепанного люфтваффе чем-то вроде Бермудского треугольника. Немецкие самолеты, которых, на их горе, заносило в этот квадрат, исчезали без следа. Попытки командования II-го армейского корпуса Вермахта выяснить обстановку с помощью разведгрупп также не увенчались успехом. Потерпели полное фиаско и эсэсовские разведчики из дивизии «Мертвая голова».

Еще раньше советские войска прекратили активные действия против зажатой в Демянском котле немецкой группировки, и лишь продолжали укреплять оборону. Командующий окруженными войсками генерал пехоты граф Вальтер фон Брокдорф-Алефельд был в недоумении. Он понимал, что большевики что-то замышляют, но что именно? Он чувствовал подвох. Генерал Горбатов, недавно сменивший на посту командующего Северо-Западным фронтом вялого и безынициативного Курочкина, явно замыслил новое наступление. Отсюда и затишье на фронте, и меры, предпринимаемые русскими в своем тылу с целью скрыть подготовку к внезапному удару. Но где именно и какими силами?

Немецкое командование не знало, да и не могло знать, что при подготовке операции «Центавр» для обеспечения режима секретности и скрытности развертывания войск использовался 1-й истребительный батальон вновь сформирован-

ной контрразведки «СМЕРШ». Ставки были очень высоки, и советское командование не собиралось рисковать.

Станция Любница – единственное место рядом с фронтом, где русские могли выгружать свои войска прямо из эшелонов. Обращение к люфтваффе с просьбой массированной бомбежки пристанционного района вызвало у собеседников лишь нервный смех. После всех неудач последнего месяца действующие на Восточном фронте бомбардировочные эскадры понесли большие потери в самолетах и опытных летчиках, так что были сильно обескровлены. Кроме того, в командовании люфтваффе опасались, что массированный налет приведет лишь к повторению воронежской трагедии. И кстати, что это за дыра «Lubnica», и почему ее надо так срочно бомбить? Особенно сейчас, когда по приказу фюрера большая часть боеспособной авиации стянута под Смоленск для отражения возможного русского наступления на центральном направлении. «Крепость Демянск» же – это дыра третьестепенного значения, и на крики оттуда можно не обращать особого внимания. Тем более в тот момент, когда не хватает буквально всего: самолетов, летчиков, горючего и боеприпасов. Снабжают их там по воздуху, и пусть будут этим довольны.

Попытки же окруженных войск подвергать окрестности подозрительной станции обстрелам дивизионной артиллерии привели к катастрофическим результатам. Огонь можно было вести только наугад и по квадратам, поскольку ни ди-

версант с рацией, ни самолет-корректировщик так и не смогли проникнуть в интересующий немцев район. Даже при отсутствии противодействия противника такая стрельба – просто напрасная трата снарядов. А со снарядами у окруженной группировки была большая проблема. Ведь каждый выстрел к 150- или 105-миллиметровым пушкам везли самолетами из Пскова. Да и противодействие ударам германской артиллерии тоже было, да еще какое....

Немецкие батареи, открывавшие огонь по станции, мгновенно подавлялись невероятно точным и концентрированным огнем тяжелой русской артиллерии. А в ночь на десятого февраля при попытке транспортной авиации люфтваффе установить воздушный мост с окруженной группировкой внезапному артиллерийскому удару подверглись оба действующих аэродрома в Демянском котле. По данным немецких звукометристов, из района той самой станции Любница по аэродромам вели огонь морские 180-мм железнодорожные транспортеры.

Сверившись с полученными данными, командование окруженных немецких частей с ужасом поняло, что с этой позиции советская тяжелая артиллерия способна простреливать весь котел насквозь. На аэродроме Демянск тяжелые русские снаряды уничтожили и повредили двадцать четыре транспортных самолета Ю-52, а на аэродроме Пески – восемь. Оба летных поля, перерытые огромными воронками, пришли в полную негодность, были потеряны почти все по-

ступившие по воздушному мосту грузы. Погибло большое количество раненых солдат и офицеров, готовых к отправке в тыловые госпитали.

Воздушный мост рухнул. В последующие дни немецкая транспортная авиация ограничивалась лишь ночным сбрасыванием грузов на парашютах, не рискуя совершать посадку в кольцо окружения. О вывозе раненых и получении подкреплений больше не могло быть и речи. Кроме того, грузовые контейнеры, сброшенные с высоты, сильно разбрасывало на местности, что затрудняло поиск и сбор грузов.

На следующую ночь, кстати, огневой налет был предпринят уже непосредственно по штабу II-го Армейского корпуса в Демянске. Полтора десятка тяжелых снарядов с дьявольской точностью угодили и в само здание, где располагался штаб, разнеся его вдребезги, и перепахали ближайшие окрестности.

А дальше начался террор. Тяжелыми снарядами большевики не разбрасывались, но каждый подвергшийся обстрелу объект был для немецкой группировки действительно ценен. Добивало немцев то, что последний снаряд в серии неизменно был агитационным. Он лопался в воздухе над покрытыми воронками руинами уничтоженного объекта и разбрасывал сотни тонких листков, содержащих вместо обычных для большевистского агитпропа призывов к пролетарской солидарности и сознательности только одну фразу, отпечатанную жирным готическим шрифтом: «Ihr werdet alle sterben!» –

«Вы все умрете!»

Отчаянная попытка отбить Любницу силами моторизованной дивизии СС, предпринятая в период с одиннадцатого по тринадцатое февраля, не привела ни к чему, кроме катастрофических потерь. Бесплодные атаки голодных солдат на заранее подготовленные рубежи, в тридцатиградусный мороз, без поддержки артиллерии и авиации были просто самоубийственны.

Несколько случайно уцелевших к началу февраля «троек» и бронетранспортеров сразу же подбили русские орудия ПТО, и дальнейшие попытки наступательных действий вдоль дороги Демянск – Любница велись уже в пешем строю. Иступленные истерические атаки прекратились только после того, как командир дивизии «Мертвая голова», обергруппенфюрер СС Теодор Эйхе, знаменитый своей службой в Дахау, получил тяжелое ранение при артиллерийском обстреле штаба дивизии и выбыл из строя. К тому моменту оставшихся в строю эсэсовцев едва ли хватило на полнокровный батальон, и командованию окруженного корпуса пришлось срочно стягивать на том направлении все свои резервы и укреплять оборону. В сложившейся обстановке удар большевиков от Любницы на Демянск становился почти неизбежным.

Два дня немецкое командование лихорадочно перегруппировывало свои силы, стягивая с селу Лужино собранную с миру по нитке кампфгруппу. Но русские молчали, огра-

ничиваясь плотными, но эпизодическими артиллерийскими налетами по отдельным скоплениям немецких войск. Никто не знал, сколько они успели перебросить туда пехоты, сколько танков, сколько артиллерии. В ОКХ эту операцию советских войск посчитали широкомасштабным блефом, призванным отвлечь внимание от центрального направления. И даже когда в ночь на шестнадцатое февраля началась операция «Центавр», никто из хваленых немецких генералов так и не сумел понять ни ее истинного смысла, ни цели.

Чуть в стороне от поселка Лычково, превращенного немцами в опорный пункт, в воздухе, едва слышно жужжа, кружился покрытый черной краской беспилотник. В семи километрах от этого места у поселка Липняги на опушке леса под раскинутой маскировочной сетью притаились два заляпанных извешкой в целях маскировки грузовика-кунга. Дирижировал там всем хозяйством капитан Лютый Петр Андреевич, командир взвода артиллерийской разведки сводного артдивизиона Отдельной тяжелой механизированной бригады особого назначения. И контрбатареиная борьба с использованием станции «Зоопарк» – это он, и раздолбанные взрывом немецкие аэродромы и штабы – тоже он.

Но то была лишь увертюра, главная симфония еще не прозвучала. В эту ночь капитану Лютому предстояло «дирижировать» настоящим «симфоническим оркестром» в составе приданного 1-й Ударной армии сводного арткорпуса РВГК, имеющего на вооружении сто сорок четыре 203-мм гаубицы

Б-4, сто сорок четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Четыре 180-мм железнодорожных артиллерийских транспортера, имеющих дальность до сорока пяти километров, находились в резерве и были готовы вступить в дело после отдельной команды.

Беспилотник закончил работу, отлетел чуть в сторону, чтобы не попасть под мчащиеся к цели снаряды. Положен последний мазок на картину маслом – и схема вражеских укреплений и артиллерийских позиций, выявленная с помощью инфракрасной камеры, стала известна советскому командованию. Теперь должны были заговорить пушки и гаубицы.

Первый стокилограммовый 203-мм осколочно-фугасный снаряд, сердито что-то пробормотав в воздухе, воткнулся в землю с небольшим недолетом до намеченного в качестве первой цели дерево-земляного укрепления у моста через реку Полометь. Огромный столб мерзлой земли поднялся в небо, возвестив о начале операции «Центавр».

Небольшая поправка – и следующий снаряд через две минуты вместе с мерзлой землей швырнул в небо обломки бревен и куски человеческих тел. А дальше заработали все три полка артиллерии особой мощности. От восьми дюймов не защищали перекрытия в три, шесть и даже в девять накатов. Толстые бревна ломались как спички, промерзшая земля покрывалась огромными воронками.

Что им дерево и земля – на Карельском перешейке такие

гаубицы крушили финские доты, превращая их в переплетенные стальной арматурой куски гранита и бетона. Недаром финны называли эти орудия «Сталинскими кувалдами».

Пушки-гаубицы МЛ-20 тем временем прошли огненной метлой по линии окопов и поставили огневой заслон на дороге, ведущей к Лычково из Ямниц. Там отмечались какие-то нездоровые шевеления немецкой пехоты. Через полчаса артиллерийская стрельба стихла, и из советских окопов беззвучно поднялись цепи 87-го полка 26-й стрелковой дивизии. В атаку шли молча. По ним никто не стрелял: некогда мощные укрепления, отбившие не один яростный штурм, превратились в подобие лунного пейзажа. По немецким укреплениям прицельно, с корректировкой, было выпущено более двух тысяч восьмидюймовых и около десяти тысяч шестидюймовых снарядов. Красноармейцам нужно было лишь смотреть, куда ступить, стараясь в полном мраке не навернуться в воронку и не переломать ноги.

Пауза в четверть часа, была необходима для того, чтобы пехота заняла обработанный «богом войны» кусок вражеских укреплений, в небе над целью сменили друг друга на вахте два беспилотника, а на артиллерийских позициях расчеты пробанили и охладили стволы орудий.

А потом началась вторая артподготовка (на этот раз по шверпункту Лычково), чуть более длинная, минут на сорок – сорок пять. Опять огонь велся «по-зрячему», с корректировкой, и до полного прекращения шевелений с немецкой сто-

роны. Занимали руины шверпункта уже части 202-стрелковой дивизии из состава Первой ударной армии. Последней, третьей частью этой ночной симфонии был разгром и захват несколько меньшего по размеру шверпункта Кневицы, после чего 202-я дивизия продвинулась еще на семь-десять километров к югу от линии железной дороги, и стала занимать оборону по удобным естественным рубежам.

Собственно, все это была уже чистая забава, поскольку к часу ночи 87-й стрелковый полк у деревни Белый Бор перерезал и оседлал единственную дорогу, по которой в район шверпунктов Лычково – Кневицы противнику могла поступить помощь. Приданные полку саперы сразу принялись взрывать в мерзлой земле толовые шашки, намечая изломанную линию траншей. В воздухе замелькали лопаты и киркомотыги. К рассвету очнувшихся немцев тут встретит подготовленная и усиливающаяся с каждым часом линия обороны. Любая попытка немецкого командования наличными силами и в разумные сроки снова заблокировать железную дорогу Валдай – Старая Русса непременно нарвется на соответствующий отпор.

Операция «Центавр» прошла успешно, РККА получила прямой транспортный коридор к Старой Руссе и возможность быстро нарастить свою группировку южнее озера Ильмень, при том, что германские войска продолжали удерживать пусть и важный, но все же второстепенный узел шоссейных дорог, для которых у Красной армии имелись пути-дуб-

леры. Это был первый гвоздь в крышку гроба группы армий «Север». Но на тот момент эту истину никто, кроме разработчиков операции «Молния» и товарища Сталина, не понимал.

16 февраля 1942 года, 17–35. Москва, Кремль кабинет Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.

Присутствуют:

Верховный главнокомандующий Сталин Иосиф Виссарионович;

И.О. Начальника Генштаба Василевский Александр Михайлович;

Генерал-майор Бережной Вячеслав Николаевич.

– Итак, товарищи, – сказал вождь, – судя по донесению товарища Горбатова, операция «Центавр» завершилась успешно. Настолько успешно, что Лев Захарович Мехлис рвется на Северо-Западный фронт, выявлять приписки и карать обманщиков. Что вы на это скажете, товарищ Бережной?

– Пусть едет, товарищ Сталин, – пожал плечами командир отдельной тяжелой мехбригады ОСНАЗ, – ничего такого, что могло бы подтвердить его подозрения, он не увидит.

– Хорошо, – кивнул Сталин, – мы вас поняли, и верим вам. Мы попросим товарища Мехлиса, чтобы он пока никуда не ездил, чтоб не трепать напрасно нервы товарищу Горбатову. А что нам скажет товарищ Василевский?

– Наши железнодорожные части уже приступили к ремонту полотна и станционного хозяйства, поврежденного немцами, – ответил тот. – Саперы в двухдневный срок должны завершить ремонт железнодорожного моста через реку Поломь. Считаю, что нам удастся выдержать график подготовки и провести «Молнию» раньше, чем немецкое командование сумеет адекватно отреагировать на случившееся. Кроме того, операции «Гобой» и «Игла», запланированные на двадцать третье февраля, с учетом даты их проведения*, отвлекут внимание противника от Псковского направления.

Примечание авторов: * 23 февраля – день Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-морского флота. «Праздничные» наступления имели репутацию политически акцентированных, а следовательно, обозначали направление главного удара.

– Вы уверены, что немцы не перебросят под Ленинград силы из-под Смоленска? – спросил Сталин, медленно прохаживаясь по кабинету. – Может, лучше сперва ударить на Псков, а уже потом проводить операции местного значения, добывая противника?

– Никак нет, товарищ Сталин, – покачал головой Василевский, – у немцев, а точнее, лично у Гитлера, просто навязчивая идея насчет нашего наступления на Смоленск. В конце концов, именно здесь мы украли у него Гейдриха и фон Клюге, и именно сюда он стягивает остатки своих резервов. Нашей разведке удалось узнать, что новым командующим груп-

пы армий «Центр» назначен рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, которого Гитлер считает самым надежным своим соратником. В ответ на протесты Кюхлера о начавшемся нашем наступлении на Ленинград Гиммлер и Гитлер просто заставят его замолчать, предложив обойтись собственными ресурсами. А поскольку усилить 18-ю армию можно только за счет 16-й...

– Я вас понял, товарищ Василевский, – кивнул Сталин. – Конечно, после того, как Калигула назначил своего коня сенатором, мир уже ничем нельзя удивить. Но, товарищ Бережной, как вы думаете, значит ли это назначение Гиммлера, что Гитлер сейчас в таком же отчаянии, в каком был в вашей истории летом 1944 года? Ведь фронт все еще под Москвой, а не под Варшавой...

Генерал-майор Бережной пожал плечами и сказал:

– Я, товарищ Сталин, плохо разбираюсь в психологии Гитлера и подобных ему непризнанных «гениальных» художников, и могу сказать лишь одно. Все происходит слишком быстро, и поражения врага следуют одно за другим. Гитлер вообще неуравновешенный тип, в свое время травленный газами и дважды контуженный. Ситуация, при которой он станет совсем неадекватным, вполне возможна, и мы в любой момент должны быть к этому готовы.

– Что вы имеете в виду? – заинтересовался Сталин.

– Сумасшедший Гитлер считая, что высшее командование Вермахта готово ему изменить, вполне может инициировать

в Германии новую ночь длинных ножей, – ответил Бережной, – Это может сильно помочь нам на завершающем этапе войны. Но, спятив окончательно, Гитлер может развернуть на наших оккупированных территориях самый настоящий геноцид. Вот это крайне скверно. И назначение Гимmlера командующим Группой армий «Центр» – сигнал о том, что такое развитие событий вполне возможно.

– Товарищ Сталин, – голос Бережного дрогнул, – в случае такого развития событий я предлагаю нанести по фашистской Германии удар возмездия имеющимися в нашем распоряжении спецбоеприпасами. Уверен, что товарищ Ларионов в этом меня поддержит.

Сталин, помрачнев, покачал головой, а потом сказал:

– Мы обдумаем ваше предложение, товарищ Бережной. Но в первую очередь мы должны думать не о возмездии, а о том, как быстрее освободить наш народ и нашу землю от фашистского рабства. Мы очень рассчитываем на вашу помощь и поддержку в этом деле. Ведь вы и ваши товарищи всего за какие-то сорок дней сумели внести в дело нашей Победы неоценимый вклад... Итак, товарищи... – Сталин подошел к столу, и что-то записал в блокноте, – план операции «Молния» должен быть выполнен в те же сроки и в том же объеме, как и намечалось ранее. На сегодня все. Вы свободны, товарищи.

19 февраля 1942 года, 00–35. Марманск, аэродром

Ваенга, 2-й гвардейский (72-й) смешанный авиационный полк Северного Флота.

Днем восемнадцатого февраля на аэродроме Ваенга, приземлились два прибывших из Архангельска транспортника ТБ-3, из которых под наблюдением контролем сотрудников НКВД были выгружены полтора десятка больших деревянных ящиков. Через час после прилета «туберкулезов» на том же аэродроме приземлился пассажирский ПС-84 с двумя десятками секретных специалистов на борту. Всех их немедленно поселили в отдельный барак, возле которого опять же стояли бойцы НКВД. Еще сутками ранее на аэродром Ваенга из мурманского порта привезли столитровые железные бочки с нанесенными краскопультом под трафарет большими белыми буквами: «ТС-1. Яд – не пить» и черепом с костями для вящей доходчивости. Правильно, не надо никому знать, особенно в кишасе англичанами и американцами Мурманске, что ужасно секретные буквы «ТС-1» обозначают самый обыкновенный керосин, только тщательно очищенный. Почему бы слегка не потроллить коллег из «союзных разведок» – пусть попытаются выяснить состав этой «ужасной дряни».

А специально выделенные товарищи, откомандированные во вновь сформированный «СМЕРШ» из ведомства Лаврентия Павловича, посмотрят, кто, кому и какие вопросы будет задавать в связи со всем происходящим. И в самом деле, товарищи Сталин и Берия весьма интересуются, есть ли в доме

«кроты», и где именно они водятся...

И вот уже неделю аэродромная команда выравнивала и трамбовала взлетно-посадочную полосу, доводя ее длину до двух тысяч метров. Смысл этих действий был изначально малопонятен. Ходили слухи, что СССР закупил в Америке тяжелые стратегические бомбардировщики Б-17, и аэродром готовят для приема именно этих самолетов. Но действительность была фантастичнее любых, даже самых невероятных, слухов.

Дело в том, что все эти события были лишь прелюдией перед осуществлением основной части операции под кодовым наименованием «Мгла» (решение о ее проведении Сталин принял девятью днями ранее). Выходящие на новый уровень советско-американские отношения требовали бесперебойного функционирования трассы арктических конвоев. Именно этой цели и служила переброска на Север Эскадры Особого Назначения. Немцы в Норвегии должны быть тише воды, ниже травы. И для этого у Северного флота теперь были все возможности.

Но чтобы снять все опасения американских партнеров о безопасности грузов, нужно было выбить из рук Гитлера еще один козырь. И этим козырем был притаившийся где-то в норвежских шхерах линкор «Тирпиц». Собственно, особого стратегического значения он уже не имел. Стоит ему лишь высунуть нос из Тромсе, где он сейчас отстаивался, и находящаяся поблизости «Москва» успокоит его двумя-тре-

мя своими «Вулканами». Судьба двух итальянских линкоров, сгинувших в Черном море, еще у многих на слуху. И пусть немцы строят свои корабли куда более качественно, чем итальянцы, но подрыв проникающей боеголовки в погребах успокоит даже такого монстра, как «Тирпиц».

Но все это теория, а для гарантии безопасности конвоев «Тирпица» надо прихлопнуть уже сейчас. Другие крупные немецкие корабли, которые Гитлер приказал направить на север, пока находятся в длительном ремонте после полученных повреждений, и будут отсутствовать на Арктическом ТВД от двух до четырех месяцев. А потом – милости просим, господа, приходите на наше Баренцево море по одному и с вещами. Но «Тирпица» при всем при том надо выводить из игры, не дожидаясь, пока в Арктике развернутся основные события. Пусть в Берлине побесятся, а в Лондоне и в Вашингтоне задумаются.

В сложившихся условиях выполнить такую задачу способна только авиация будущего, а точнее, истребители-бомбардировщики МиГ-29К. По плану операции «Мгла» пара этих машин должна была, взлетев с аэродрома в Кратово, совершить промежуточную посадку в Ваенге, где дозаправиться, подвесить по четыре КАБ-500Кр и вылететь к Тромсе, где в данный момент отстаивается главное пугало Третьего рейха. В дальнейшем аэродром Ваенга, наряду с аэродромами в Саках и Кратово, становился одной из трех опорных баз для действий Авиационной группы особого назначения на

советско-германском фронте.

Ровно в ноль часов тридцать минут девятнадцатого февраля 1942 года у ВПП авиабазы Ваенга зажглись огни посадочных прожекторов. Как бы в ответ им в черном вечернем небе низко над горизонтом вспыхнули две яркие точки. Еще несколько минут – и при полном обалдении местной аэродромной команды по ВПП один за другим, в серебристых вихрях снежной пыли, промчались два стремительных стреловидных силуэта. Как только последний самолет остановился в конце полосы, прожектора погасли.

Летный состав 2-го гвардейского смешанного авиаполка, разбуженный непонятным шумом, выскочил из барачных корпусов, но не смог разглядеть ничего, кроме смутной суевы и мелькания ручных фонарей в двух стоящих на отшибе капонирах. Тем более что товарищи, по привычке называемые «особистами», попросили летчиков не любопытствовать, а идти и досматривать сны. Кто там делает и что – это не их ума дело. Когда будет надо, тогда все всё и узнают.

Тем временем прибывшие спецрейсом специалисты извлекали из деревянных ящиков длинные, как гвозди, корректируемые противобункерные бомбы и подвесные топливные баки, а также заправили боевые машины керосином под пробку. Сделав свое дело, эти самолеты сюда уже не вернутся. С тремя ПТБ им вполне должно хватить топлива прямо до Кратово, и еще останется кое-какой запасец. А здесь, в Мурманске, с рассветом начнется самый настоящий ад.

Получивший нахлобучку от Гитлера, Геринг погонит своих асов в новые самоубийственные атаки. Но это уже работа для совсем других летчиков, в том числе и прославленных асов 2-го гвардейского (72-го) смешанного авиаполка Северного флота. Поэтому спите спокойно, товарищи, завтра у вас будет трудный день.

Ровно в четыре часа тридцать минут капитан Гуссейн Магомедов оторвал свой МиГ-29КУБ от ВПП Ваенги и пошел на взлет. Вслед за ним поднялся и МиГ-29К старшего лейтенанта Сергеева. Набор высоты до эшелона в пятнадцать тысяч, курс на Тромсе. Следом за ними взлетел и ПС-84 с аэродромной командой на борту. Только курс они взяли в другую сторону – теперь их ждала Москва.

На заднем сиденье кабины МиГ-29КУБ сидел непростой пассажир – сам командующий Авиацией дальнего действия и доверенное лицо Сталина, генерал-майор Александр Евгеньевич Голованов. Он обязан был зафиксировать результаты бомбометания и лично доложить о них товарищу Сталину. Голованову Верховный доверял, и его доклад мог оказать влияние на очень многое в разработке вооружений, в первую очередь для авиации дальнего действия.

Не могли советские дальние бомбардировщики накрывать свои цели сплошным ковром тяжелых фугасок. Самолетов, способных нести тяжелые авиабомбы на большие расстояния, были считанные десятки, а одной авиагруппой ОСНАЗ войну не выиграть. Да в Кратово уже переоснащают один

Пе-8 двигателями М-82 с высотными нагнетателями. Но ему понадобится соответствующее вооружение, чтобы сотня советских Пе-8 по боевому воздействию не уступала тысячам американских летающих крепостей.

Перед самой войной в СССР уже велись работы по созданию дистанционного управляемого оружия. Можно вспомнить неудачную королевскую зенитную ракету, за которую он сел, как растратчик, или вполне удачный вариант переделки устаревшего бомбардировщика ТБ-3 в дистанционно управляемый самолет-«брандер». В пятисоткилограммовую бомбу оборудование для дистанционного телеуправления от ТБ-3 не влезет. Но, как обещали разработчики, с бомбами весом от двух тонн и выше можно попробовать поработать. Собственно, Александр Евгеньевич эту идею воспринял положительно. Дело оставалось за испытанием. Тут и подвернулся тот самый «Тирпиц», будь он неладен. Несчастливое название для немцев. Береговую батарею под Констанцей, носившую то же название, МиГи уже разбомбили. Настала очередь линкора.

От Мурманска до Тромсе по прямой всего-то около пятидесяти километров. А линия фронта, можно сказать, вообще рядом. Поэтому оба МиГа сначала взяли курс на север, намереваясь по широкой дуге обогнуть мыс Нордкап, чтобы раньше времени не встревожить немецкое ПВО.

Во время полета пилоты молчали. Говорить было не о чем – надо было работать. Норвегию обогнули благополуч-

но. Специалисты службы радиоперехвата на «Москве» доложили, что об обнаружении советских самолетов вражеских сообщений не поступало. В пять утра, примерно в сотне километров от цели, оба МиГа форсировали двигатели и зашли на цель в пологом снижении, обгоняя собственный звук. КАБы положено бросать на высоте не больше пяти километров. Но этот прием, уже столько раз применявшийся нашими летчиками против немцев на юге, делал их первую атаку абсолютно внезапной и неотразимой. Зимняя ночь в Арктике может быть либо звездной и морозной, либо такой же морозной, но метельной. Третьего не дано. Сейчас как раз был первый вариант. Колючие звезды, полотна северного сияния, пляшущие в небесах, и видимость миллион на миллион.

Там, внизу, спят ничего не подозревающие фрицы на «Тирпице», спит в своей каюте первый и последний командир линкора, капитан цур зее Фридрих Карл Топп. Дреmlют дежурные расчеты зенитных батарей, дубеют от мороза наблюдатели на своих постах, вслушиваются в тишину полярных просторов немецкие звукометристы. Но ни звука не доносится с небес. А смерть уже рядом. Помните, фрицы, 22 июня тогда ваши летчики тоже убивали спящих...

Когда до «Тирпица» оставалось восемь километров, корректируемые бомбы отделились от держателей и нырнули вниз. Били дуплетом. Бомбы, сброшенные капитаном Магомедовым, были нацелены в район носовых башен главного калибра «А» и «В», старший лейтенант Сергеев ударил по

кормовым башням «С» и «D». Именно там удар относительно небольших по калибру пятисоткилограммовых корректируемых бронебойных авиабомб мог вызвать детонацию боекомплекта. Бомбы приближались к цели, подправляя свой полет движениями рулей. Потом, почти одновременно – четыре ярких вспышки на палубе «Тирпица». А еще через мгновение носовая часть линкора превратилась в настоящий вулкан. Только одна бомба из четырех ударила в палубу сразу за барбетом башни «Бруно», разворотив элеваторы, прошила наискосок подбашенное отделение и лопнула в снарядном погребе. Взрыв полного боекомплекта разорвал переборки, подкинул башню «Бруно» вверх и вызвал вторичную детонацию в башне «Антон». Из трех других бомб одна поразила боевую рубку, вторая – крышу башни «D», третья – пробила палубу в кормовой части и взорвалась под килем, вызвав хотя и значительные, но не смертельные повреждения. Но взрыв двух полных погребов ГК – это уже не лечится. Линкор «Тирпиц» повалился на левый борт и лег на грунт с креном в сорок пять градусов, выставив на поверхность часть палубы и надстройки.

Немецкие зенитчики спохватились лишь через несколько минут, паля из всех стволов в белый, то есть, в черный, свет, как в копеечку. Но, как говорит народная цыганская пословица, поздно запирать конюшню, после того как мы в ней уже побывали. Ауф видерзеен...

Те из немецких моряков, кто не был убит сразу, захлебну-

лись в крошечной темноте хлынувшей внутрь ледяной водой. Из двух тысяч шестисот человек экипажа спастись удалось лишь двумстам тридцати двум матросам и пятнадцати офицерам. Погибли командир корабля, старший офицер и главный механик. Еще двадцать восемь человек из числа спасенных впоследствии скончались в госпитале от переохлаждения. «Тирпиц» же восстановлению не подлежал, и годился лишь на патефонные иголки...

Увидев внизу яркую вспышку, капитан Магомедов по СПУ вызвал пассажира.

– Товарищ генерал-майор, цель поражена. Разрешите вместо второго захода атаковать запасную цель?

Генерал-майор Голованов еще раз посмотрел вниз и принял решение. Действительно, делать второй заход на груды металлолома, в которую превратился германский линкор, не имело никакого смысла. Особенно, если учесть цену, а точнее, бесценность каждой такой управляемой бомбы. В то же время посадка самолета с бомбами на борту абсолютно исключена. Чтобы с пользой освободиться от бомбового груза, ставшего излишним, у экипажей имелся список запасных целей.

Генерал-майор подумал, и сказал в СПУ:

– Курс на Турку, товарищ капитан. Тем более что это нам почти по пути. Порадуем господина Маннергейма, утопив у него последний броненосец береговой обороны – как там его... «Вяйнемайнен». Пусть он, как у вас говорят, жует по-

ловички на пару с Гитлером. Они же как-никак союзники.

Ровно в шесть тридцать пять оба МиГа благополучно приземлились на аэродроме в Кратово. Цели, поставленные перед операцией «Мгла», достигнуты на сто пятьдесят процентов. В пучине полярных вод исчезло вечное пугало британского флота, а в гавани Турку перевернулся кверху дном финский броненосец. Решением советского командования капитан Магомедов и старший лейтенант Сергеев удостоились орденов Ленина, а советские разработки корректируемых планирующих бомб получили поддержку руководства страны. Новому оружию авиации дальнего действия быть.

В Европе же царили совсем другие настроения. Гитлер в очередной раз проистерил перед своими бонзами в «Вольфшанце». По итогам двухчасового жевания коврика gross-адмирал Эрик Редер переехал в тюрьму «Моабит», а командующим немецким флотом стал gross-адмирал Дениц, «папа» всех немецких подводников.

Велика была и растерянность первого лорда британского Адмиралтейства сэра Дадли Паунда. Русские опять умудрились незаметно снять с шахматной доски еще одну немецкую фигуру, причем на этот раз ферзя. Что он теперь должен докладывать новому премьеру Клименту Эттли?

Как в новых условиях должен действовать Роял Нэви, ослабленный после сражения у Лиссабона и потерь на Дальнем Востоке? Все шло по какому-то жуткому плану, составленному в Москве. И в Лондоне буквально кожей ощуща-

ли, что Британии в этом плане совсем нет места. Разбуженный русский медведь вылезал из берлоги и намеревался под Красным Знаменем Коммунизма прошагать по всей Европе.

В Вашингтоне Рузвельт, узнав об уничтожении «Тирпица», только удовлетворенно хмыкнул и поставил галочку в лежащем на столе блокноте.

– Дядя Джо держит свое слово, – сказал американский президент своему помощнику, – кажется, с ним можно иметь дело.

Время стремительно неслось вперед, словно горная лавина, и остановить ее уже было невозможно. Вперед и только вперед...

22 февраля 1942 года, Полдень. Нью-Йорк.

Джулиус Роберт Оппенгеймер, профессор Университета Бэркли (Калифорния).

И зачем я только послушал эту глупую Китти, которая настояла на том, чтобы я поехал с ней в этот проклятый Нью-Йорк! Но, как известно, женщина может своим нытьем заставить любого мужчину сделать то, что ей хочется. Тем более если эта женщина – твоя супруга. Спорить в подобных случаях бесполезно.

Единственное, что меня утешило – это что в Нью-Йорке в это время находился мой старый знакомый, физик-эмигрант из Германии Лео Сцилард, который вместе с Ферми занимался «цепной реакцией». Чертовски интересная штука, на-

до непременно поболтать об этом с Лео.

В Нью-Йорк мы отправились поездом, поскольку сейчас из-за войны введены не только карточки на продукты, но и ограничения на продажу бензина и резины для автомобилей. Просто смешно: радио и газеты ежедневно призывают граждан Соединенных Штатов пользоваться личной автомашиной только для поездок на работу. А также рекомендуют брать попутчиков, чтобы экономить бензин. Вон, в сегодняшнем номере "Нью-Йорк таймс", к примеру, написано, что "каждое незанятое место равносильно тому, что оно занято японцем". Бред какой-то!

Ту же в газете напечатаны не менее бредовые заметки, вроде этой: "Супруга подала на развод из-за того, что ее муж, обожая бифштексы, съел всю говядину, которую семья получила по карточкам". А вот заметка про таинственное убийство какого-то полковника Лесли Гровса, занимавшегося в военном министерстве строительными подрядами. Репортер полагает, что это дело рук мафии – ворочая огромными деньгами, этот полковник наверняка имел дело с "крестными отцами", и не смог поделить с ними украденные у налогоплательщиков деньги. Обычная история. Такова судьба всех тыловых крыс.

Перечитав хронику боевых действий, я задумался. Сводки с фронтов не очень радовали, но все же... Джерри, например, напирала на русских, но те не оставались в долгу и давали им сдачи. Вот, совсем недавно, авиация русских ка-

ким-то образом дотянулась до Норвегии и вдребезги разбомбила там самый мощный немецкий линкор «Тирпиц». Говорят что этот людоед Адольф до сих пор в шоке. Это был самый сильный нацистский корабль на сегодняшний день, брат-близнец того самого «Бисмарка», который напугал до смерти британцев год назад и потребовал для своего уничтожения целой британской эскадры.

На Тихом океане после позора Перл-Харбора джапы продолжают теснить наших доблестных морских пехотинцев, как чума расползаясь от острова к острову. Уже пала британская крепость Сингапур, японский флот нацелился на Яву. Вопрос с нашими войсками на Филиппинах остается открытым, но, похоже, они уже выдыхаются.

Я бросил на стол газету. Конечно, надо сделать все, чтобы победить нацистов и их японских союзников. Но британцы пока сидят безвылазно на своем острове и воюют с немцами и итальянцами в Северной Африке. Причем этот хитрый лис Роммель, кажется, переигрывает их вчистую. Тем временем в Азии японцы договорились с королем Таиланда (так теперь стали называть Сиам), и уже лезут в Индию, отчего англичане трясутся от ужаса, опасаясь, что "жемчужина британской короны" безвозвратно уплывет из их жадных рук.

Только русские всерьез воюют с нацистами, в обледеневших степях и засыпанных снегом лесах одну за другой перемалывая их дивизии и нанося джерри огромные потери. В газетах пишут о страшных сражениях в тридцатиградусные

морозы, когда голая кожа в одно мгновение пристаёт к промерзшей танковой броне. Если честно, то я симпатизирую этим русским. И не только потому, что они воюют против нацистов, поставивших своей целью истребить всех евреев в мире. Мне нравятся их политические взгляды.

Нет, я, конечно, не член коммунистической партии, но многие мои друзья – коммунисты. Даже мой родной брат Фрэнк недавно сказал мне, что собирается вступить в компартию. И при этом все мои знакомые коммунисты – глубоко порядочные люди. К тому же некоторые реформы нашего нынешнего президента были очень похожи на те, о которых говорили мои "красные" приятели.

Даже моя Китти, второй муж которой погиб, сражаясь с нацистами в Испании, тоже, кажется, коммунистка. Впрочем, ложась с ней в постель, я меньше всего думаю о ее политических взглядах. Мы с ней поженились в ноябре 1940 года, и в мае 1941 года у нас родился сын, которого мы называли Питером. Я ни о чем не жалею. Вот и сейчас я смотрю на нее, и не могу нарадоваться.

Прибыв в Нью-Йорк, мы расположились в одной небольшой, но уютной гостинице на Манхэттене. Китти захотела отвести меня в Метрополитен-музей и посмотреть на небо-скребы на Уолл-стрит, но я хотел немного отдохнуть, и она одна умчалась делать покупки. Я же позвонил по телефону, который мне сообщил в своей телеграмме Лео Сциллард, и сообщил ему о своем приезде.

Через полчаса он был у меня. Правда, приехал он не один. С ним был незнакомый мне мужчина, среднего роста, плотный, с улыбкой на лице и свежим шрамом над левой бровью. По манерам держаться и по не скрываемой под обычным костюмом строевой выправке мне стало ясно, что приятель Лео, назвавшийся Майклом, военный. Он, правда, этого и не скрывал. По его акценту было понятно, что мой новый знакомый иностранец. Действительно, Майкл оказался русским офицером, который воевал против джерри в Крыму и после ранения на фронте и излечения был направлен в командировку в США.

В октябре прошлого года наш президент распространил на Россию действие «Закона о ленд-лизе», и русские прислали специальную комиссию, которая должна была вместе с нашими военными определить, что им нужно в первую очередь для войны с нацистами. Одним из членов этой комиссии был капитан Михаил Крылов. Или Майкл, как он просил его называть на американский манер.

Мы поговорили с ним о боевых действиях против немцев, о том, как нацисты истребляют мирное население на захваченной территории. То, что рассказал Майкл, меня потрясло. Я, конечно, уже знал из сообщений нашей прессы о расстрелах евреев и пленных, которые практикуют джерри, но одно дело прочесть об этом в газете, и другое – услышать от человека, видевшего все эти ужасы своими глазами.

У меня сжались от гнева кулаки. По натуре я человек доб-

рый, иногда даже слишком, но тут я не выдержал.

– Надо разбомбить всех этих мерзких нацистов, да так, чтобы ни один не уцелел! – воскликнул я. – Если их не остановить, они погубят весь мир!

Майкл вздохнул и как-то странно посмотрел на меня. Немного помолчав, он перевел разговор на более мирную тему. Из этого я сделал вывод, что все, что нам известно о зверствах "джерри" – чистая правда.

Тут пришла Китти, а вслед за ней вошел бой в гостиничной ливрее, неся пакеты с покупками. Похоже, что Китти все-таки совершила свой большой поход по нью-йоркским универсамам.

Она с ходу включилась в нашу беседу. Майкл, несмотря на то, что был военным, оказался галантным кавалером. Он просто очаровал мою супругу. Китти даже начала строить ему глазки, но, заметив мой неодобрительный взгляд, ступсевалась и стала вести себя более сдержанно. В самом деле, ей не стоит забывать, что она далеко не девочка, а солидная замужняя женщина.

Уловив заминку в разговоре, Майкл предложил совершить вечером небольшую морскую прогулку. В гавани Нью-Йорка, неподалеку от Статен-Айленда мы должны были пересест на уже переданный советскому военно-морскому флоту спасательный катер и отправиться на нем в небольшой (три-четыре часа) прибрежный вояж, не отходя далеко от самой гавани. Погода была хорошая, и мне захотелось

подышать свежим морским воздухом в компании приятных мне людей. Лео, кстати, тоже решил присоединиться к нам. Китти, естественно, мы брать с собой не стали: я знал, что ее сильно укачивает, к тому же женщина на борту корабля – плохая примета.

На такси мы быстро добрались до гавани, и там пересели на паром, который регулярно ходил до Статен-Айленда. Мы благополучно доплыли до острова, и там поднялись на борт советского корабля. Признаюсь честно, я с волнением предвкушал знакомство с теми, кто уже успел повоевать с нацистами – а судя по наградам и лицам моряков, встретивших нас, им уже довелось понюхать пороху.

Майкл о чем-то переговорил по-русски с капитаном, катер отдал швартовы, и вышел в море.

Стоя на палубе, я с гордостью смотрел на остров Либерти и поднявшую в небо факел статую Свободы – славный символ нашего государства. Но тут подошел Майкл и спросил, не холодно ли мне, после чего пригласил в кубрик, где можно было выпить горячего чая или "чего покрепче". Вообще я не был любителем спиртного, но, подумав, решил, что рюмка виски или хорошей русской vodka сегодня бы мне не помешала.

Лео уже был в кубрике и с интересом рассматривал военный журнал на русском языке, где были фотографии трофеев, захваченных у нацистов, и снимки военной техники русских на фоне нескончаемых колонн немецких военноплен-

ных, уныло бредущих в русский тыл. Должно быть, им очень не хотелось попасть прямо в Сибирь. Но в Россию их никто не звал, так что они получили то, что заслужили.

Были там и фотографии тех их приятелей, которым повезло куда меньше. Горы трупов в серых шинелях, собранные русскими со всей округи, чтобы захоронить в братских могилах. Как сказал Майкл, глядя на эту кучу мертвых джерри, "кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет".

Тыкая пальцем в журнал, Лео стал задавать вопросы, и Майкл принялся нам рассказывать о новой русской военной технике. Причем оказалось, что он неплохо разбирается не только в военном деле, но и в физике. Кроме прочего, знал он и о последних открытиях в области строения ядра атома и в квантовой теории. Удивительно: этот русский капитан спокойно рассуждал о вещах, о которых в Америке знает не каждый университетский профессор!

Меня разбирало любопытство – что это за военный такой, и откуда он знает то, что является пока тайной за семью печатями?

Майкл, заметив мой недоуменный взгляд, неожиданно подмигнул мне.

– Джулиус, вы удивлены? – спросил он. – Вы думаете про себя: «Откуда простой русский капитан столько знает?» – не так ли?

Я вынужден был сознаться, что так и есть, и я действительно ломаю голову, пытаясь разгадать эту загадку.

– Дружище, – сказал Майкл, подмигнув, – как говорил принц датский Гамлет: "There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy"... – Тут он стал необычайно серьезным и произнес: – А что, если я скажу вам, Джулиус, что уже существуют двигатели, работающие на энергии деления ядра атома?

Я ошарашено посмотрел на Майкла, не понимая, шутит он или говорит всерьез. Лео тоже бросил рассматривать журнал и стал прислушиваться к нашей беседе.

А Майкл тем временем продолжил:

– Мистер Оппенгеймер, в СССР уже построен реактор, в котором выделяемая во время цепной реакции энергия деления ядра атома совершает работу, достаточную, чтобы неограниченно долго двигать в толще воды с огромной скоростью большую подводную лодку. Подводную лодку, которую не надо заправляться топливом и которой не требуется всплывать на поверхность глотнуть воздуха, так как она способна добывать кислород прямо из морской воды. Подводную лодку, дальность которой не ограничена ничем, кроме границ суши и моря.

– Не может этого быть! – не сговариваясь, воскликнули мы с Лео. – При нынешнем уровне науки такой двигатель и такую подводную лодку просто невозможно построить в этом мире!

– А если он был построен не в этом мире? – с усмешкой посмотрел на нас Майкл.

У меня подкосились ноги. Я понял, что или этот странный русский капитан так неудачно шутит или... Ведь, кроме физики, я занимался еще кое-чем... Например, в 1933 году я выучил санскрит и перечитал всю "Бхагават-гиту". В этой священной книге индуистов я узнал о множественности миров, о путешествии во времени и пространстве... И то, что говорил мне сейчас этот странный русский... Внезапно появившееся в Черном море корабельное соединение под Андреевским флагом, стремительные, как молния таинственные самолеты, за неделю поставившие на колени люфтваффе, неуязвимые танки, которым не страшны снаряды немецких пушек, и офицеры военного флота, по уровню знаний физики превосходящие нашего профессора...

– Майкл... – сказал я, облизывая пересохшие вдруг губы, – скажите мне, ради всего святого – вы пришли к нам из будущего?

Капитан как-то странно посмотрел на меня. В его взгляде мелькнуло даже нечто вроде уважения.

– Да, Джулиус, – спокойно ответил он, – вы правильно догадались: я, точнее, мы – из будущего. Мы уже бросили свой меч на весы войны, и теперь крах нацизма произойдет быстрее, чем это случилось в нашем прошлом. Многие из тех, кто погибли в той истории, которую мы знали, останутся живы, и это заставляет нас сражаться еще яростнее.

– Майкл, – взмолился я, – скажите мне, какое оно, это будущее?

Русский капитан печально посмотрел на нас; и только сейчас я понял, что перед нами сидит смертельно уставший человек.

– Джулиус, Лео, а вы уверены, что хотите это знать? – спросил он.

Мы с Лео закивали головами, и Майкл продолжил:

– В этом будущем, господа физики, по всему миру работают атомные электростанции, производящие огромное количество энергии, по северным морям плавают ледоколы с атомными двигателями, способные расколоть любые льды. В этом будущем ученые могут заглянуть в такие тайны, в которые даже такие гениальные физики, как вы, Джулиус, и вы, Лео, еще не заглядывали. И в то же время в этом будущем по всему миру миллионы людей живут впроголодь, а ваша страна развязывает по всему миру войны ради выгоды кучки дельцов с Уолл-Стрит. Да что там мир – в самой Америке, если вы помните времена «Великой депрессии», сотни тысяч людей теряли работу и умирали с голоду. И все это под сенью статуи Свободы и звездно-полосатым флагом. Немыслимое богатство одних и невыносимая нищета других – вот что такое мир нашего будущего.

Мы с Лео ошарашено молчали; та горечь, с которой говорил этот русский, свидетельствовала о его искренности.

– Ради всего святого! – воскликнули мы оба. – Мы хотим знать, как это все получилось! Позвольте нам познакомиться с вашими знаниями.

– Джулиус, – сказал русский капитан, – вы должны понять, что, узнав о нашем существовании и о тех открытиях, что будут совершены в будущем, мы уже просто не имеем права вас отпустить назад. Тем более что там, в вашем прошлом, вы уже создали для Америки оружие страшной разрушительной силы, которое она попыталась использовать для достижения мирового господства. А когда вы стали протестовать против этого, то вас обозвали «красным» и выкинули вон, как подозрительный элемент. Ну а ваши ученики, не испытывавшие таких сомнений, продолжали делать для Америки одну бомбу разрушительнее другой.

– Что, была еще одна война? – спросил. – Между Америкой и Советами?

– Да нет, – отмахнулся Майкл, – Бог миловал. Но еще неизвестно, насколько. Сейчас советское правительство осознает угрозу, которую несет военное применение секретов атома, и намерено избежать ее любым путем.

– Вы хотите сказать... – начал было Лео.

Но Майкл перебил его:

– Да, мистер Сциллард, вы совершенно правы: мы можем предложить вам лишь одно. Если вы получите доступ ко всем знаниям будущего и вместе с советскими учеными будете работать над их мирным применением, то при этом вы будете вынуждены до конца дней своих находиться под контролем наших спецслужб, дабы не сообщить доверенное вам кому-то постороннему. В противном случае, сами пони-

маете...

Я даже вспотел от всего услышанного.

– Но как же моя жена? – спросил я. – Ее я тоже никогда не увижу?

– Нет, почему же, мы все прекрасно понимаем, – спокойно ответил Майкл, – вы сейчас напишете ей письмо, мы перевезем ее и вашего малыша к вам, и вы будете жить вместе, как обычная советская семья... – Он усмехнулся. – А вот с Джин вы уже вряд ли увидите...

Я чуть не поперхнулся от неожиданности – откуда Майкл знает о моей любовнице? Потом, вспомнив, что он из будущего, и, следовательно, наше прошлое и настоящее ему хорошо известно, успокоился.

– Я готов, Майкл, пусть будет так... – сказал я. – Как доктор Фауст, я готов отдать свою душу за знания, которые не известны еще никому в этом мире. Станьте же моим Мефистофелем!

Лео с одобрением посмотрел на меня и кивнул, словно соглашаясь с моими словами.

– Хорошо, – сказал нам капитан из будущего, – только мы не губим души, а спасаем их. В этом мире вашу совесть уже никогда не будет мучить мысль о трехстах тысячах мирных японцев, заживо сгоревших в атомном пламени ради того, чтобы Америка смогла продемонстрировать всему миру свои ядерные мускулы. – Майкл посмотрел на часы. – А сейчас мы выйдем на палубу и будем ждать, когда всплывет

атомная подводная лодка, на которой мы отправимся в Россию. Там вы узнаете все...

22 февраля 1942 года, Полночь. Новгородская область, Северо-Западный фронт, 11-я армия РККА, разъезд Крюково.

Командир ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК генерал-майор Бережной.

Вот и закончился наш недолгий тыловой отдых. Техника прошла полную ревизию и средний ремонт. Т-34 и КВ, стоящие на вооружении бригады, перевооружились на новую удлиненную 76-мм пушку, а новобранцы, прибывшие вместо убитых и раненых, прошли первичные тренировки. Бригада стала еще сильнее и сплоченнее. Леонид Ильич говорит, что бойцы рвутся в бой. Что есть, то есть – наш отдых уже всем изрядно поднадоел, и люди соскучились по настоящему большому делу.

Четыре дня назад первые подразделения бригады начали грузиться в эшелоны на станции Кубинка. Это танкисты и мотострелки. Артиллеристы убыли для поддержки отвлекающих операций раньше. За сутки до начала погрузки основной части бригады бойцам в клубе показали нарезку из фильмов про блокаду Ленинграда. Куски леденящей душу хроники из наших архивов и то, что снимали фронтовые операторы в этой реальности. Теперь все уверены, что нас отправляют именно туда – освободить от блокады колы-

бель революции. Это и так, и не совсем так. Конечный замысел операции «Молния» предусматривает снятие блокады Ленинграда, но только как составную его часть.

На самом же деле замысел ее гораздо шире и подразумевает нанесение группе армий «Север» такого же тяжелого поражения, как то, что уже понесла группа армий «Юг». У нас есть еще месяц, пока вермахт, истощенный летне-осенним рывком на восток, окончательно не восстановит боеспособность. Мы воспользовались этим фактором во время проведения «Полыни», воспользуемся им и сейчас. Как там учил Суворов: маневр, быстрота и натиск. Ну и огонь, конечно, причем максимальный.

Поскольку скрытность передвижения – наше все, техника вывозится из Кубинки в специальных вагонах-обманках, где вокруг платформы с танком или самоходкой сооружен дощатый макет теплушки. Для разведки противника мы по-прежнему находимся в Кубинке. Чтобы в ведомстве Канариса ничего не заподозрили, по мере того, как наша бригада оставляет базу, на ее место переводятся выводимые на переформирования и пополнения танковые части Западного фронта. Потрепаны они изрядно, некоторые танковые батальоны существуют лишь на бумаге, поскольку в них не осталось ни одного танка. Здесь они будут ремонтироваться и пополняться. А до тех пор, пока не получат новую технику, в танковом парке будут стоять закрытые брезентом фанерные макеты. Мы же идем на фронт, чтобы побеждать.

Сейчас на разъезде Крюково военные железнодорожники организовали временную станцию разгрузки. Благо, что от морозов земля звенит, как железо, и рельсы со шпалами на нее можно класть без балласта. Все это, конечно, временно. Придет весна, и здешние болота поплывут как кисель. Но мы не собираемся ждать до весны.

Полночь. Тусклые огоньки светомаскировочных фонарей. Тяжелый паровоз ФД, окрашенный известкой в белый цвет, фыркает, будто не верит, что дотянул свой груз до конечной станции. В первом эшелоне со мной следует штаб бригады и первая рота комендантского батальона. Остальные составы с техникой вытянулись в нитку от самой Кубинки до этого разъезда, расположенного в десятке километров от Старой Руссы.

Раз прибыли, надо идти знакомиться с местным начальством. Времени на сантименты нет – как всегда, сроки сосредоточения предельно жесткие. Даже если противник узнает о нашем присутствии в этих лесах и догадается об его истинном смысле, из-за отсутствия времени у него не останется никакой возможности принять соответствующие меры. Ну а дальше, как говорится, смелость города берет.

Эшелон только-только остановился, а вдоль насыпи уже вытянулась цепочка одетых в белые полушубки сотрудников НКВД, вышколенных товарищем Санаевым, который недавно получил звание старшего майора*. Вот ведь как бывает – прошло всего полтора месяца, как мы воюем вместе с этими

людьми, а нам они уже как родные. Не деды – братья. Большая часть из них была с нами с Евпатории, меньшая – присоединилась к нам в лагере под Армянском, остальные – в Кубинке. Последних сейчас бьет мандраж – это их первая операция в составе мехбригады ОСНАЗ. Они еще не испытывали пьянящего чувства победы.

Примечание авторов: * *старший майор – звание для начальника республиканского управления госбезопасности.*

Кстати, по внешнему виду станции видно что, недавно на ней разгружались эшелоны. Снег истоптан конскими копытами, забросан заиндедевевшими комками навоза и покрыт следами гусениц артиллерийских тягачей и танков. Насколько мне известно, бригада Катукова убыла к месту сосредоточения раньше нас. Также понятно, что совсем недавно тут выгружался артполк РВГК, и, возможно, не один. Старая Русса – это ключ к воротам, в которые хлынут части Красной Армии и окончательно разгромят Группу армий «Север».

К штурму города командование РККА готовится основательно. По плану сюда должны были переброшены артиллерийские части, высвободившиеся после завершения активной фазы операции «Центавр». Тут советские сверхтяжелые гаубицы Б-4 должны будут как орехи колоть немецкие шверпункты. Ведь при наличии наших систем управления огнем и корректировке с помощью беспилотников потребность в количестве орудий и боеприпасов падает сразу на два порядка.

Не успели мы с Леонидом Ильичом отойти от вагона на несколько шагов, как нарвались на «комитет по встрече». Командующий 11-й армией генерал-лейтенант Василий Иванович Морозов внешне был очень похож на киношного генерала Серпилина в исполнении артиста Папанова. Такой же трагической, как и в кино, была и его судьба в начале войны... Утром 22-го июня на находящуюся под его командованием 11-ю армию, не успевшую развернуться в боевые порядки, обрушилась немецкая 3-я танковая группа генерала Гота, наступавшая с севера через Вильнюс на Минск. При этом в тылах армии вспыхнуло антисоветское восстание литовских националистов и частей бывшей буржуазной литовской армии. Кстати, не все литовцы оказались гнидами. Около четырех тысяч бойцов и командиров вышли из окружения вместе с остатками 11-й армии, и в дальнейшем составили костяк 16-й Литовской стрелковой дивизии, ставшей в нашей истории Краснознаменной и получившей почетное наименование Клайпедской.

Рядом с генералом Морозовым стоит командующий Северо-Западным Фронтом генерал-майор Горбатов. Нередкий сейчас случай, когда подчиненный старше званием, чем начальник. Вот, например, еще во время проведения 2-й части операции «Полынь» маршал Буденный, командовавший 1-м конно-механизированным корпусом, подчинялся генерал-лейтенанту Василевскому. И ничего, сработались.

Генерал-майор Горбатов – личность весьма примечатель-

ная. Был посажен при Ежове в 1938-м, освобожден из заключения в ходе Бериевской реабилитации в марте 1941-го. В начале войны командовал 25-м стрелковым корпусом. После его разгрома под Витебском генерал вместе со сводной маневренной группой еще четыре дня удерживал Ярцево. Потом был тяжело ранен и эвакуирован в Москву.

После излечения с 1-го октября 1941 года командовал 226-й стрелковой дивизией на Харьковском направлении. Дивизия отличалась дерзкими маневренными действиями. Потом, в середине января, по нашей наводке, был из командиров переведен сразу в командующие Северо-Западным фронтом. Вот так просто: раз – и в дамки. Хотя товарищ Сталин больше судил не по нашим словам, а по боевому пути, который этот человек прошел в нашей истории. Чтобы операция «Молния» увенчалась таким же успехом, как и «Полынь», было необходимо, чтобы Северо-Западным фронтом командовал человек той же формации, что и осуществлявшие «Полынь» генералы Василевский с Рокоссовским. Горбатов же для этой роли подходил почти идеально. Мы с ним оба дерзкие и удачливые – что называется, два сапога пара.

Сошлись мы в двух шагах от насыпи.

– Здравствуйте, товарищи генералы, – сказал я, по очереди пожимая им руки. – Я командующий 1-й гвардейской тяжелой механизированной бригадой ОСНАЗ, генерал-майор Вячеслав Бережной. А это мой заместитель по политчасти и правая рука – бригадный комиссар Леонид Брежнев.

– Здравствуйте и вы, товарищ Бережной, – пожал мне в ответ руку командующий 11-й армии, – скажите, а операция «Центавр» – это была ваша идея?

– Решение принимал лично товарищ Сталин, – ответил я, – а идея была моя. Без разблокирования транспортных путей в направлении Старой Руссы планируемое нами в дальнейшем наступление просто не могло состояться.

Генералы переглянулись, а потом Василий Иванович Морозов сказал:

– Мы тут с товарищами сразу об этом догадались. Уж больно все аккуратно было сделано. Не наш стиль. У нас если наступление, так это свежие маршевые роты со штыками наперевес на пулеметы пустить – авось кто-нибудь да и прорвется... – Он посмотрел на Горбатова. – Это я не про тебя, Александр Васильевич говорю, ты как раз не из этих. А тут и дорогу от немцев освободили, и людей потеряли мало. – Он снова пожал мне руку. – Не могу вас не поблагодарить, Вячеслав Николаевич, нам эта железная дорога была нужна как воздух.

– Не стоит благодарить, – ответил я. – А на будущее следует помнить, что при наших наступлениях немцы всегда стараются удерживать за собой опорные пункты с проходящими через них коммуникациями. Так было со Славянском на юге, так было со шверпунктами Лычково-Кневицы, ликвидированными при проведении операции «Центавр». Таким же опорным узлом, только для шоссейных дорог, явля-

ется Демянск. А самое главное то, что подобную же роль для немецкой обороны играют укрепления, возведенные ими вокруг Старой Руссы. Через них проходит стратегически важная для нас железная дорога Валдай – Старая Русса – Дно – Псков. – Я достал из планшета лист бумаги с Директивой Верховного, и отдал ее генералу Горбатову. – Должен вам сообщить, что концентрирующиеся под Старой Руссой одна механизированная и одна танковая бригады ОСНАЗ, а также 1-й и 2-й кавалерийский корпуса, не будут участвовать в операции «Вега» по освобождению Старой Руссы, а должны уйти в глубокий рейд в направлении Дно-Псков. Задача 11-й армии и поддерживающих ее частей Северо-Западного фронта состоит в том, чтобы как можно скорее уничтожить обороняющую Старую Руссу немецкую 18-ю пехотную дивизию и обеспечить нашим резервам прямой доступ с помощью железнодорожной дороги к Псковскому плацдарму. Товарищ Сталин считает, что «концерт должен состояться точно по расписанию».

Прочитав директиву, генерал Горбатов кивнул и, сложив бумагу вчетверо, спрятал ее за отворот полушубка.

– Получив сообщение о вашем прибытии, я ожидал что-то подобное. Ваша бригада, Вячеслав Николаевич, совсем не штурмовая, а, как бы это сказать... мобильная. Вот, штурмовые батальоны, которые к нам тоже перебрасывают с юга – это совсем другое дело. Ну что же, так даже лучше. Как дойдете до Пскова, передайте привет генерал-полковникам

Георгу Кюхлеру и Эрнсту Бушу.

– По нашим данным, штаб шестнадцатой армии расположен на станции Дно, – сухо заметил я, – если все пойдет как надо, то уже через несколько часов после начала операции эта армия будет обезглавлена. В настоящий момент главной задачей при разгрузке частей ОСНАЗ на разъезде Крюково и переброске их на плацдарм за рекой Полисть, а также в сосредоточении у деревни Вороново является полная скрытность. Эшелоны будут прибывать по ночам вплоть до нуля часов двадцать пятого февраля. Об истинной цели операции до ее начала вы не имеете права говорить даже начальникам своих штабов. Для всех, кроме нас троих, это должен быть штурм Старой Руссы, и только. Должен вам сказать, что в Москве всей информацией по стратегическому замыслу операции владеют лишь два человека. Это исполняющий обязанности Начальника Генерального Штаба генерал-лейтенант Василевский и Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин. То, что по этому поводу будут думать прочие армейские начальники, не должно иметь для вас никакого значения.

– Понятно, – кивнул генерал Морозов, – каждый солдат должен знать свой маневр. Но, кроме него, больше никто. Поскольку о районе сосредоточения вашей бригады нас предупредили заранее, инженерно-саперный батальон уже проложил просеку и подготовил ледяную гать через реку Полисть.

Обернувшись, командующий 11-й армией махнул рукой, и от ожидающей в стороне кучки командиров, загребая валенками снег к нам подбежал плотный низенький тип в белом командирском полушубке.

– Вот, – сказал командарм Морозов, – это командир того батальона, майор инженерной службы Жерехов. До завершения сосредоточения вашей бригады на исходных позициях передаю его батальон в ваше распоряжение. Если что не так, пусть исправляют...

23 февраля 1942 года, Ночь. Ленинградская область, 54-я отдельная армия РККА, линия фронта под Синявино. Операция «Игла».

Пятьдесят четвертую отдельную армию с полным правом можно было бы назвать «забытой». Дальний медвежий угол советско-германского фронта. Местность тут не приспособлена для ведения активных боевых действий: реки, леса, болота, бездорожье... Скверное снабжение и сильная противостоящая ей группировка немецко-фашистских войск, осаждающая Ленинград. Выстроенные немцами долговременные оборонительные сооружения на шлиссельбургско-синявинском выступе не оставляли советской пехоте никаких шансов на прорыв.

Но однажды все изменилось – в битве, развернувшейся далеко на юге, без остатка сгорели две полевых и одна танковая армии вермахта. Еще одна армия была вдребезги раз-

громлена и, потеряв командующего, отошла к стенам Харькова.

Результатом этой эпической битвы стало то, что немецкому командованию пришлось решать, чем заткнуть дыру протяженностью почти в пятьсот километров и возместить потери личного состава в триста тысяч солдат и офицеров. Резервов не было – все, что ОКХ сумело накопить к середине января, было отдано Гудериану и бесславно сгорело в кровавой бойне под Чаплинкой. Части, спешно переброшенные из Франции, на Восточном фронте буквально за несколько дней вымерзли от лютых морозов, – да и сколько их было в этой самой Франции? На фронт были брошены учебные батальоны пехотных дивизий, но и этого оказалось мало. Тогда командующий группой армий «Юг» пошел с шапкой по соседям – подайте, мол, нищему на пропитание...

На пропитание подали, но за счет снятия боеспособных частей, в первую очередь с Ленинградского направления, которое в ОКХ считалось «спокойным». Кое-как соскобленные отовсюду, где было возможно, двести тысяч немецких солдат вытянулись редкой цепочкой шверпунктов по правому берегу Днепра от Днепропетровска до Херсона. Еще примерно столько же окапывались по побережью Черного моря от Херсона до Варны, и далее до турецкой границы.

Черноморский флот, который уже провел успешные десанты в Керчи, Феодосии, Евпатории, внушал немецкому командованию ужас грядущих поражений. Поэтому берего-

вая линия Черного моря укреплялась – как и линия фронта. А тут еще Гитлеру попала вожжа под хвост – и он, напуганный советским механизированным ОСНАЗОМ, стал обирать уже обобранных, создавая так называемый «смоленский резерв», на случай внезапного советского наступления в полосе группы армий «Центр». Здесь взвод, там рота, тут артиллерийская батарея. С миру по нитке... На все стоны командующего 18-й полевой армией вермахта генерала от кавалерии Георга Линдемманна из Берлина следовал только один ответ: «У вас спокойный участок фронта».

Но ничто не вечно под луной. В начале февраля командующего 54-й армией генерала Ивана Федюнинского вызвали в Москву к товарищу Сталину. Кроме Верховного Главнокомандующего, в знаменитом кабинете присутствовали еще два человека: и.о. начальника Генштаба генерал-лейтенант Василевский, и «личный враг Гитлера» генерал-майор Бережной. Поговорили хорошо. Командующему 54-армией был представлен план операции «Игла», целью которой был захват станции Мга, важного для немцев логистического узла, и жесточайшее требование советского командования соблюдать его с немецкой пунктуальностью. Чтоб выполнить все предписанное, 54-я армия должна была прорвать долговременную оборону 1-го армейского корпуса вермахта и продвинуться вперед на десять километров.

При этом генерал-майор Бережной больше молчал, сказав только один раз, что если Федюнинский возьмет Мгу, то

вся Шлиссельбургско-Синявинская группировка повиснет в воздухе. Других дорог там нет, так что придется немцам или отступать через болота, или сдаваться.

Для выполнения поставленной задачи 54-ю армию усилили не только обычными маршевыми пополнениями, но и четырьмя прибывшими с юга саперно-штурмовыми батальонами, гвардейским минометным полком РВГК и отдельной артгруппы ОСНАЗ в составе 2-х батарей Нонна-С и дивизиона установок ТОС-1М «Солнцепек». ПВО обеспечивала батарея из шести машин Панцирь-С.

Казалось бы, двенадцать Нонн-С – это немного... Но если учесть, что в боекомплект самоходок вместе с обычными осколочно-фугасными снарядами и 120-мм минами входили и корректируемые снаряды «Китолов», а также мины «Грань», то помощь была весомая. Штурмовые батальоны с помощью маневрового паровоза и нескольких блиндированных вагонов протолкнули к самой линии фронта, а вот всю технику пришлось выгружать в Вобойкало и вести к фронту своим ходом. Тридцать километров от места выгрузки до линии фронта – это полтора часа хода.

Глубокой ночью от станции Вобойкало к линии фронта вдоль железной дороги по глубокому снегу шла колонна невиданной ранее боевой техники, размазанной белыми маскировочными полосами. Тяжелые, почти пятидесятитонные «Солнцепеки» и их транспортно-заряжающие машины, созданные на шасси танка Т-72, плавно раскачива-

лись на ухабах, как тяжелые крейсера. Напротив, легкие, авиадесантируемые самоходки 2С9 Нонна-С и их КШМ-ки с системами артиллерийской разведки и целеуказания подпрыгивали на буграх, как непоседливые школьники на перемене. Кроме них, в колонне шли шесть зенитных самоходок Панцирь-С на танковом же шасси, а также радиолокационная станция обнаружения 1РЛ-123Е для ЗРПК Панцирь-С1, несколько грузовиков «Урал» с боеприпасами и четыре БТР-80 с бойцами НКВД на броне.

Колонна из девяноста единиц боевой техники растянулась почти на четыре с половиной километра. Выступив из Войкало в восемь часов вечера, уже до полуночи колонна была на исходных позициях перед ПГТ Апраксино.

Гвардейский минометный полк РВГК ушел к фронту без разгрузки. В километре от линии фронта, у берега реки Черная военные железнодорожники положили 300 метров временных железнодорожных путей. Вот с этой позиции и ударят по врагу знаменитые «Катюши» БМ-13. А потом, отстрелявшись, сразу обратно – и будто не было там никого. Отсутствие видимой подготовки к наступлению, стягивания артиллерийского кулака, концентрации резервов должны были обеспечить операции полную внезапность. Две свежих стрелковых дивизии в резерве у Федюнинского есть, только они не подтянуты непосредственно к фронту, а сидят в эшелонах в Волхове. Сразу же после захвата Мги, уже в следующую ночь, их перебросят к месту событий, и тогда они всту-

пят в бой прямо с колес. Мгу предстоит удерживать во что бы то ни стало.

По временному КП 54-й армии, расположенному напротив Апраксино, в нетерпении прохаживался Иван Иванович Федюнинский. Артиллерии ОСНАЗ он в деле еще не видел, и потому сомневался. Бойцы штурмовых батальонов уже были в окопах и ждали своего часа. С точки зрения классической военной науки операция выглядела авантюрой. Но немцы отбили уже две «классических» попытки деблокировать Ленинград, во время которых наши войска понесли большие потери.

Ровно в полночь в блиндаж спустился командир дивизиона «Солнцепеков» подполковник Остапенко Андрей Юрьевич, по совместительству являвшийся и командующим артгруппой. Отдав генералу честь, он сказал:

– Товарищ генерал-майор, у нас все готово. Разрешите поздравить фрицев с праздником?

– С каким еще праздником? – восторженно воскликнул Федюнинский, с того самого вызова в Москву спавший не более двух часов в день.

– С нашим, товарищ генерал-майор, с двадцать третьим февраля, – ответил подполковник.

– Ах, с нашим праздником... – Федюнинский немного помолчал. – Поздравьте. Но первыми должны быть ленинградцы, а потом уже вы. Только когда будете поздравлять, поздравьте горячо, с огоньком – я слышал, вы это умеете...

Когда секундная стрелка пересекла рубеж, отделяющий двадцать второе февраля от двадцать третьего, где-то вдалеке заиграли багровые отсветы. Установленные у поселка Пески направляющие для запуска 300-мм реактивных снарядов почти одновременно отправили в полет до цели тысячу трехсоткилограммовых смертоносных «поздравлений». Объектом их внимания стали укрепления вокруг станции Мга, а также укрепленные поселки Горы и Келколово, расположенные на господствующих над местностью высотах.

Запущенные реактивные снаряды были еще в воздухе, когда со стороны 54-й армий в небо взмыли первые НУРСЫ «Солнцепеков». Повинуясь введенной в компьютер программе, ТОСы за десять секунд выбросили в небо первую серию из четырехсот тридцати двух ракет. Линия фронта озабилась отблесками адского пламени, среди которых, видимые невооруженным глазом, во все стороны метались купола ударных волн. Тем временем ТЗМы приступили к перезарядке «Солнцепеков».

Следующими немцев «поздравляли» гвардейцы-минометчики РВГК, отработав по объятым дымом и пламенем вражеским позициям из своих БМ-13. Их «подарок» был не менее горяч. Они не могли вести прицельный огонь, но уцелевшие немецкие солдаты, пытавшиеся занять свои места в окопах, попали под сплошной огненный каток «Сталинских органов». «Праздник» удался: горело все. Когда штурмовые батальоны пошли в атаку, немногочисленные ожившие ог-

невые точки были уничтожены корректируемыми минами и снарядами, выпущенными Ноннами-С.

Дело в том, что все немецкие укрепления в этих краях возводились из местных материалов, те есть из дерева и торфянистого грунта. И вот теперь ДЗОТы, прежде надежно защищавшие немецких солдат от огня советской легкой артиллерии, горели в ночи погребальными кострами.

Уже без четверти час генералу Федюнинскому сообщили, что фронт прорван, а специально подготовленные к ночному бою штурмовые батальоны, заняв Апраксино, быстро продвигаются вперед. При этом уже закончившая перезарядку артгруппа ОСНАЗ сопровождает их, подавляя очаги сопротивления.

Сняв трубку полевого телефона, Федюнинский назвал пароль и отдал короткий кодированный приказ. Раз фронт прорван так быстро, и войска продвигаются вперед быстрее графика, то, пока немцы не очухались, можно выдвигать «резервы на колесах» прямо ко Мге. Это тоже было предусмотрено одним из вариантов плана. Пока первый эшелон дойдет от Волхова до Мги, пройдет как минимум четыре часа.

Еще нужно учесть время на прохождение команды и подготовку. За это время, или штурмовые батальоны захватят Мгу, или операция провалится. Зато, если еще до рассвета удастся посадить в оборону две свежих дивизии, это будет означать полный успех операции. Отдав все необходимые указания, генерал-майор приказал перебазировать НП

вперед – туда, где идет бой.

В шесть часов утра к заваленному обломками и телами в мышастых шинелях перрону станции Мга прибыл первый эшелон с резервами. Здание вокзала ярко пылало, и от этого было светло, как днем. На территории станции и в прилегающем к ней поселке еще слышались звуки перестрелки, но все понимали, что это уже конвульсии вражеского гарнизона. Штурмовые батальоны вели бой за Келково и Гору. Артгруппа ОСНАЗ, сказавшая свое веское слово в ходе сражения, расстреляла два боекомплект, выделенных на эту операцию, и оттянулась на исходные позиции. Но дело свое она сделала. «Праздник» получился на славу. Две батареи Нонн-С с практически нетронутым боекомплектом остались во Мге. Кроме всего прочего, эти орудия могли вести огонь 120-мм минами от полкового миномета образца 1938 года, а значит, имели возможность пополнять боеприпасы из местных источников. А этот миномет и в своем несовершенном исполнении был для немцев далеко не подарком.

К рассвету понесшие большие потери штурмовые батальоны выбили наконец противника с Горы, получив прекрасный господствующий над местностью наблюдательный пункт для артиллерии. Подошедшая следом пехота тут же начала окапываться на выгодных для обороны рубежах. Начинался новый день, и до прорыва блокады оставалось буквально полшага. Но прежде немцы должны растратить все силы в бесплодном штурме своих же бывших оборони-

тельных рубежей, которые займут советские пехотинцы. Их уже готовились встретить. Трофейные команды собирали на захваченных позициях противника брошенное оружие, в первую очередь пулеметы – они могли стать хорошим подспорьем для обороняющихся.

Немецкий натиск ослабляло еще и то, что по соседству 2-я Ударная и 52-я Отдельная армии начали свою наступательную операцию. Теперь немецкие генералы в штабах группы армий «Север» и 18-й полевой армии будут ломать голову, какой же из двух ударов главный, а какой отвлекающий.

23 февраля 1942 года, Ночь. Новгородская область, 2-я ударная армия РККА, линия фронта в районе Чудово. Операция «Гобой»

В начале января 1942 года со 2-й ударной армией стали происходить странные пертурбации. Сначала был отменен приказ о проведении Любанской наступательной операции, а сама армия, получив приказ сдать фронт в районе поселка Мясной Бор частям 52-й армии, начала сосредотачиваться во втором эшелоне сразу за частями 59-й армии в районе станции Большая Вишера. Потом 10 января генерал-лейтенанта Соколова, до сего момента командовавшего армией, отозвали в распоряжение кадров центрального аппарата НКВД, откуда он, собственно, и пришел в войска. Лихой пограничник оказался никудышным военачальником.

Вместо него на должность командующего 2-й Ударной ар-

мией товарищ Сталин назначил бывшего командира 241-й стрелковой дивизии полковника Черняховского, с одновременным присвоением ему очередного воинского звания «генерал-майор». Там, под Большой Вишерой, где она получала снабжение не в пример лучше, чем имела в болотах волховского правобережья, находясь в резерве, 2-я ударная укреплялась как кадрово, так и материально.

22 января в состав армии включили вновь сформированный 13-й кавалерийский корпус, усиленный 160-м и 162-м отдельными танковыми батальонами, после чего корпус стал называться конно-механизированным. Прибывшие по отдельности 6-й, 44-й, 108-й и 203-й отдельные гвардейские минометные дивизионы подверглись переформированию в 31-й гвардейский минометный полк.

В начале февраля к ним присоединился 24-й гвардейский минометный полк, вооруженный сорока восемью установками залпового огня БМ-13. Гаубично-пушечный артиллерийский кулак армии составляли 18-й и прибывший позже 442-й пушечные артполки, вооруженные каждый тридцатью шестью 152-мм пушками-гаубицами МЛ-20, и 839-й гаубичный артполк, вооруженный таким же количеством гаубиц М-30.

Тем временем происходящие на юге эпические события вытягивали из германской Группы армий «Север» последние резервы. В середине января срочно снялись с позиций и убыли на юг последние механизированные соединения нем-

цев. Пехотные части вермахта тоже не избежали изъятия части средств усиления, и теперь противостоящие 2-й ударной армии немецкие дивизии имели существенный некомплект личного состава и техники.

В начале февраля в штаб 2-й ударной армии поступила шифровка из Генштаба, согласно которой части армии пришли в движение, скрытно выдвигаясь в прифронтовой район. Одновременно части НКВД провели операцию прикрытия, имитирующая активную погрузку войск на станции Большая Вишера и их отправку по железной дороге в направлении Москвы. А в ночь с 20-го на 21-е февраля в адрес 2-й ударной армии прибыло и обещанные Черняховскому лично товарищем Сталиным особые части непосредственной поддержки.

Выгрузившиеся в Большой Вишере восемнадцать огромных как дом самоходных установок «Мста-С» произвели на артиллерийских командиров Красной Армии ошеломляющее впечатление. Кроме них, прибыли: батарея зенитных самоходок, эшелон с восемнадцатью РСЗО «Торнадо» и их транспортно-заряжающими машинами, а также десять танков Т-72, удививших уже местных танкистов. Командующий армией знал, что эти силы будут находиться в его распоряжении ровно сутки с момента начала операции. Обеспечив массированный огневой удар по противнику и обозначив свое присутствие, части ОСНАЗ должны были скрытно отойти на станцию погрузки, чтобы в дальнейшем вступить в бой на

другом участке фронта.

Одновременно с выгрузкой бронетехники в Большой Висере на аэродром базирования 704-го ближнебомбардировочного полка, вооруженного самолетами Ил-2, прибыли шестнадцать винтокрылых машин разных типов и штурмовой батальон особого назначения под командованием подполковника Василия Маргелова.

И вот наступила «ночь перед Рождеством». Где-то далеко на юге шли бои, и немецкое высшее командование, купившееся на ложную активность советских войск под Москвой, готовилось отражать воображаемое наступление на Смоленском направлении. Тут же, на Волховском фронте, в полночь с 22-го на 23-е февраля немецкие солдаты пребывали пока в полном неведении о своей дальнейшей судьбе, а части РК-КА застыли в напряжении, готовясь перейти в наступление.

За четверть часа до полуночи с аэродрома 704-го ближнебомбардировочного полка поднялись в воздух все шестнадцать винтокрылых аппаратов. В восьми Ка-29 в полной боевой готовности находилось сто сорок четыре бойца. В небо взметнулись рельсовые направляющие БМ-13, пусковые трубы «Торнадо» и стволы гаубиц. Бойцы стрелковых частей в окопах, с вечера сменившие бойцов 59-й армии, докуривали последнюю самокрутку перед боем, а кавалеристы в последний раз проверяли амуницию и седловку.

Ровно в полночь тишину над Волховом разорвали грохот гаубиц и жуткий вой реактивных установок. В отличие от

прошлой версии событий, Черняховский не раздиргивал артиллерию по батареям, а танки по взводам. Огневой удар наносился мощным огневым кулаком, и по самой важной цели. Девяносто шесть машин БМ-13 одновременно выбросили по немецким укреплениям в районе прорыва более полутора тысяч реактивных снарядов калибра 132-мм, смешивая с землей первую и вторую полосы обороны.

Тем временем гаубичные полки, управляемые с командного пункта артдивизиона ОСНАЗ, открыли огонь по находящейся в глубине немецкой обороны станции Чудово, где располагался штаб 215-й пехотной дивизии. Одновременно с этим дивизион «Тайфунов» выпустил по расположенному на станции Любань штабу 1-го армейского корпуса двести шестнадцать 300-мм реактивных снарядов.

Вертолетная группа пересекла линию фронта в районе станции Грузино ровно в тот момент, когда южнее, у железнодорожного моста на западном берегу Волхова, бушевал шквал огня, и земля сотрясалась от ярости «катюш». Именно по этой причине появление шестнадцати вертолетов в немецком тылу осталось незамеченным немецким ПВО. К Любани они подлетели через двадцать минут, когда перезарядившиеся с ТЗМов «Торнадо» второй раз отработали по станции. Последовавший за этим десант и точечные удары с барражирующих в воздухе вертолетов огневой поддержки окончательно поставили жирную точку на командовании 1-го армейского корпуса немцев.

К трем часам ночи, сделав еще три рейса, вертолеты доставили на любанский плацдарм еще четыреста тридцать бойцов штурмового батальона. При этом они вывезли на «большую землю» обратными рейсами семьдесят шесть своих раненых и пятнадцать убитых бойцов и командиров, а также доставили в распоряжение штаба армии двадцать четыре пленных штабных офицера различной степени важности. Среди попавших в плен этой ночью был и командующий 1-м армейским корпусом генерал пехоты Куно фон Бот, обнаруженный в тяжелом состоянии под развалинами здания, где располагался штаб корпуса.

До рассвета на любанский плацдарм по воздуху дополнительно удалось перебросить 44-й отдельный лыжный батальон и две четырехорудийные батареи, вооруженные пушками Ф-22 УСВ. Орудия перевозили под вертолетами на внешней подвеске; лошадей и ездовых пришлось оставить на аэродроме. Очистив Любань от остатков немецких штабных и тыловых частей, советский десант стал готовиться к длительной обороне в полном окружении.

На линии фронта, когда замолкли разрывы «катюш», на какое-то время наступила относительная тишина, нарушаемая лишь частыми залпами советских гаубиц, беглым огнем бьющих по станции Чудово. Но это продолжалось недолго. Минуты через три из советских окопов поднялись пехотные цепи, и загремело громкое «Ура».

На самом же деле, пока на немецком берегу бушевал

шквал разрывов, одетые в белые маскхалаты бойцы 39-й, 40-й, 41-й, 42-й и 43-й отдельных лыжных батальонов без криков, по-тихому, перевались через бруствер и, добежав до берега Волхова, по-пластунски поползли по льду.

Поднявшиеся же в «атаку» «пехотные цепи» изображали полторы тысячи сделанных из соломы чучел, обряженных в шинели и шапки-ушанки третьего срока носки. С немецкого же берега эта атака и это «Ура» выглядели весьма грозно и убедительно, вызвав шквальный огонь всех огневых средств, что уцелели при артподготовке и могли стрелять в направлении советских окопов.

Это-то и было нужно советскому командованию. Маневрирующие по правому берегу Волхова танки Т-72 один за другим подавили уцелевшие немецкие доты и дзоты осколочно-фугасными снарядами, что окончательно предредило участь первой, да и второй линий обороны, поскольку подкравшиеся незаметно бойцы лыжных батальонов под прикрытием огня танковых пушек сумели ворваться в немецкие окопы.

В небо взметнулись красные ракеты, и через реку густыми цепями пошла советская пехота. А в это время выполнившие свою задачу и засветившиеся на данном участке фронта подразделения ГОТМБ-1 ОСНАЗ РГК под покровом темноты стали оттягиваться в направлении станции Большая Вишера. Последними с позиций уходили установки «МСТА-С», успевшие подавить управляемыми снарядами «Краснополь»

несколько опорных пунктов в глубине немецкой обороны. Главное было сделано: 215-я пехотная дивизия вермахта потерпела поражение, наступающие советские войска уничтожили большую часть ее солдат и офицеров, остальных же отбросили с их позиций, а к рассвету взявшие Чудово части 327-й и 366-й стрелковых дивизий принялись закрепляться на достигнутых позициях, выстраивая фронт в южном направлении.

Тем временем советские саперы настелили на льду Волхова деревянные гати и начали переправу на левый берег вводимого в прорыв 13-го кавалерийского корпуса, включающего два танковых батальона, а потом и полков реактивной и ствольной артиллерии. Основной проблемой для 2-й ударной армии был хорошо укрепленный шверпункт в Киришах. Правда, это была проблема местного значения, поскольку с потерей немцами Чудова и Любани окопавшаяся там 254-я пехотная дивизия лишалась связи со своими войсками и отдавалась на милость люфтваффе, которое в последнее время было и так малонадежно.

С наступлением рассвета операция продолжалась. Введенный в прорыв кавкорпус, встречая по пути вялое сопротивление немецких гарнизонов, быстро продвигался к Любани.

Бронепоезд, подтянутый немцами со стороны Тосно для штурма внезапно захваченной станции, неожиданно напоролся на огонь советской артиллерии, а потом его в полном

составе проутюжил 704-й легкобомбардировочный полк на штурмовиках Ил-2. Будь это два-три самолета (как до того часто практиковали советские командиры), немцы отделались бы легким испугом. Но тут на них в атаку пошли все двадцать находящихся на тот момент в строю самолетов – они выпустили в цель сто шестьдесят реактивных снарядов РС-82. Не все из них, правда, пришлось на долю бронепоезда: изрядно досталось и немецкой пехоте, чью атаку поддерживала бронированная железнодорожная гусеница.

Немецкие истребители, вылетевшие на перехват советских штурмовиков, вместо них наткнулись на вертолетную группу, совершавшую очередной рейс к Любанскому плацдарму. И тут «месершмитты» быстро поняли, что даже неуклюжие с виду, внешне напоминавшие пузатых майских жуков, транспортные вертолеты, способны ловко крутиться на месте, увертываясь от атак, и при этом больно кусаться из своих четырехствольных пулеметов винтовочного калибра. А что касается сопровождающих их стройных и сверхманевренных, как хищные осы, ударных вертолетов, то даже единичное попадание снаряда из его поворотной 30-мм пушки превращало «худого» в тучу обломков.

Тем временем в штабе 18-й армии, расположенном на станции Сиверская, кипела работа и плавились мозги. Поднятые в неурочный срок с мягких постелей немецкие штабные офицеры во главе с командующим 18-й армией генерал-лейтенантом Георгом Линдемманном застыв в позе бу-

риданова осла, решали важнейшую задачу – какой из двух большевистских ударов главный, а какой отвлекающий. С одной стороны, перехват коммуникаций в районе Мги делал вполне реальной прорыв блокады Ленинграда в самые ближайшие дни, но с другой стороны, на направлении Чудово-Любань количество сил, задействованных большевиками при наступлении, было в разы больше.

Эти колебания и привели к тому, что в момент, когда немецкое командование опомнилось и начало стягивать силы для отражения советского прорыва, части 2-й ударной армии уже установили связь с любанской группировкой и перешли к обороне на линии Трегубово, Сенная Кересть, Кривино, разъезд Полянка, Любань, и дальше по руслу реки Любань. Выдвинувшаяся следом 59-я армия заняла оборону по реке Тигода. Таким образом, советское командование загнало 61-ю, 269-ю и 254-ю немецкие пехотные дивизии в узкий, шириной всего двадцать километров, лишенный коммуникаций аппендикс, вытянувшийся от Киришей до уже взятой советскими войсками Мги. Все это, при категорическом приказе Гитлера: «Ни шагу назад!», создавало командованию 18-й армии дополнительную головную боль. Тем более что непосредственно у стен Ленинграда в такую же ловушку в Синявинском мешке попали 374-я, 227-я и 223-я пехотные дивизии.

В свою очередь, командование Группы армий «Север» начало скрести по сусекам, пытаясь собрать силы, чтобы вос-

становить положение. Ради этого еще раз пришлось огрести 16-ю армию, а также взять резервные части и полицейские батальоны из оккупированной немцами Прибалтики.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; советское командование готовило эту операцию полтора месяца, а вот немцам пришлось мастерить свой ответ на коленке, в условиях крайнего дефицита сил и средств. В результате завязались затяжные, как застарелая зубная боль, оборонительные бои в районах Мги, Любани, Полянки и Трегубова – то есть везде, где немцы имели под рукой коммуникации для переброски резервов. Но все это для немцев было уже безнадежно. В отличие от «прошлого раза», этот вариант Любанской операции был подготовлен куда лучше. Советское командование не ставило перед войсками нереальных задач, а сами войска имели за спиной восстановленную железную дорогу, а не узкие болотистые тропки. Артиллерия при этом не испытывала недостатка в снарядах, а пехота и кавалерия – в патронах, продовольствии и фураже. Успевшие окопаться советские войска под истеричные приказы Гитлера «восстановить положение» отбивали почти лишенные бронетехники немецкие атаки, перемалывая и без того скудные резервы группы армий «Север».

Не растраченные на этот раз на юге советские резервы продолжали все сильнее и сильнее менять стратегический баланс. Назревал коренной перелом в войне. Основные события, ставящие точку в зимней кампании 1941–1942 годов,

должны были развернуться чуть позже и несколько южнее. Немцам, чтобы узнать о приготовленном для них командованием Красной Армии сюрпризе, оставалось подождать всего несколько дней.

24 февраля 1942 года, Поздний вечер. Молотовский судостроительный завод № 402

«ТАНКИ РЕШАЮТ ВСЕ» – гласила надпись на красном транспаранте, растянутом поперек цеха, отданного судостроительным заводом под производство опытной бронетехники. Прочитав это, Берия покачал головой и любовался на стенгазету, в которой, кроме статьи о передовиках производства, была заметка «Освобождена Мга! Ура, товарищи!», а затем, попросив сопровождающих остаться на месте, прошел дальше один в это царство рабочих, кующих оружие Победы. В цеху, работающем в три смены, лязгало, свистело, гремело; завод, после остановки строительства линкора «Советская Белоруссия» перешедший на достройку подводных лодок, а с начала войны выпускавший преимущественно небольшие корабли типа «морской охотник», снова менял направление своей деятельности.

Первый танк, стоявший в углу цеха, показался Лаврентию Павловичу очень похожим на Т-34. Похожим, да не очень: более короткий корпус, крупная башня, сдвинутая к центру, что позволило перенести люк механика-водителя с лобового листа на крышу корпуса. Покряхтев, генеральный комиссар

госбезопасности вскарабкался на броню и заглянул в открытый командирский люк. Точно, это он – средний танк Т-44, который должен на 75 % быть совместимым с уже освоенной промышленностью «тридцатьчетверкой», но в то же время не иметь ее детских болезней и недостатков.

Так уж сложилась жизнь, что главный советский чекист по совместительству был пусть и не состоявшимся, но дипломированным инженером. И сейчас, когда Сталин назначил его ответственным за выпуск «новых образцов техники», это инженерное образование весьма помогало в работе. Главным сейчас для Страны Советов было пресечь распутившиеся пышным цветом технический авантюризм и идиотизм, направить конструкторскую мысль по единственно верным направлениям. А еще должна быть унификация, унификация, и еще раз унификация. Сменившим модель танковым заводам надо, не останавливаясь, гнать на фронт лучшие танки этой войны. Возможно, в этой войне танки действительно решают все. После потерь минувшего лета и осени их нужно много, очень много.

Нельзя сказать, что в цеху никто не заметил появления неожиданного гостя. Но кто и что скажет человеку, чей портрет известен всем и каждому? Просто стоящий на подхвате у одного из рабочих ФЗУ-шник молнией метнулся вглубь цеха – и не успел Лаврентий Павлович спрыгнуть с брони, на ходу вытирая руки ветошью, как к нему подошел сам хозяин этого железного царства.

– Здравствуйте Николай Федорович, – запросто поздоровался Берия и кивнул в сторону танка, с которого только что слез, – это Т-44?

– Собственно, да, – ответил Николай Федорович Шашму-рин, – только по документам машина проходит как Т-42.

– Погодите-погодите.... – заинтересовался Берия, – вроде танк с таким наименованием уже был? Или я ошибаюсь?

– Был, – подтвердил конструктор, – только тот пятиба-шенный стотонный монстр умер, даже не родившись, и мы сочли возможным позаимствовать его название.

– Неплохо... – Берия стал обходить танк по кругу; стек-лышки его пенсне как-то радостно поблескивали. – Как я по-нимаю, подвеска торсионная? – Он попинал сапогом гусени-цу.

– Да, товарищ Берия, торсионная, – кивнул конструктор, – практически без изменений взятая с серийного танка КВ-1. За счет изменений в трансмиссии и того, что Т-42 в полтора раз легче, чем КВ-1, надежность ходовой части значительно увеличилась.

– Замечательно... – Берия задрал голову. – Пушка, как я понимаю, 85-миллиметров... Но это не зенитка, которая была в задании, или я не узнаю орудия?

– Это танковая и противотанковая пушка Ф-30, спроекти-рованная товарищем Грабиным и прошедшая заводские ис-пытания еще год назад, – ответил танковый конструктор, – за все это время ГРАУ так и не удосужилось провести ни го-

сударственных, ни тем более войсковых испытаний. У товарища Кулика любимый противотанковый калибр – 45 миллиметров, а все остальное имеет «избыточную бронепробиваемость». Даже 57-миллиметровую пушку ЗиС-2 с производства сняли. Наверное, некоторые товарищи хотят, чтобы наши противотанкисты рубили немецкие танки саперными лопатками.

– С товарищем Куликом и прочими его коллегами мы поговорим отдельно, – криво усмехнувшись, сказал Берия. – Но сейчас, товарищ Шашмурин, очень хорошо, что столь нужная нам машина уже изготовлена. Скажите, этот танк готов к испытаниям?

– Да, товарищ Берия, – кивнул конструктор, – готов.

– Что ж, отлично! – удовлетворенно кивнул Берия. – Со мной прибыли танкисты, так что завтра с утра и приступим. Сначала здесь, потом в Кубинке. Фронт не ждет. И, кстати, что это у вас за транспарант в цеху? Ну, этот – «танки решают все»...

– Товарищ Берия, – сказал Шашмурин, – люди недоедают, работают по двенадцать часов в день. Они должны быть уверены, что делают крайне важное дело. Немцы, скорее всего, сейчас готовят свой ответ на наши КВ и Т-34. Но когда они увидят это... – он похлопал по броне Т-42, – и наши новые тяжелые танки, то сказать им будет уже нечего.

– С этого момента поподробнее, пожалуйста, – оживился Берия, – у вас что, и тяжелый танк готов?

– К сожалению, нет, – вздохнул конструктор, – тяжелый танк под условным названием «ИС», под танковое орудие 107-мм ЗиС-6 товарища Грабина, полностью готов у нас пока только в чертежах. По расчетам, машина выходит массой между сорока пятью и пятьюдесятью тоннами, и поэтому до получения форсированного танкового дизеля в семьсот пятьдесят-восемьсот лошадиных сил мы занимаемся этим проектом, так сказать, по остаточному принципу. Для этого проекта главное – мощный двигатель и надежная, устойчивая трансмиссия. В противном случае это будет не танк, а ползающая по полю боя со скоростью черепахи мишень для вражеских орудий. Для этой машины пока отрабатываются отдельные технические решения – вроде монолитной отливки башни и лобовой части корпуса – которые мы планируем применить и при дальнейшей модернизации Т-42. Но, кроме танков, у нас готовы и другие боевые машины, заказанные нам товарищами из тяжелой механизированной бригады генерал-майора Бережного...

– Ну и что же вы молчали? – оживился Лаврентий Павлович. – Показывайте-показывайте, что вас тут еще есть...

– Пожалуйста! – Николай Федорович Шамшуринов обогнул Т-42, и они с Берией оказались перед машиной, сильно смахивающей на БМП-2 своим острым носом-«стамеской» и длинной тонкой пушкой с дульным тормозом в небольшой башне.

– Знакомьтесь, товарищ Берия: Боевая Машина Пехоты,

наиболее близкая по справочным ТТХ к БМП-2 наших потомков. Каюсь, не желая изобретать велосипед, делали ее со справочником в руках, по возможности используя местные комплектующие. Двигатель – дизельный В-2В от тягача «Ворошиловец», трансмиссия и механизмы поворота – от Т-34. Все доработано, с учетом замечаний уже известных вам товарищей. Пушка наша, автоматическая, авиационная – НС-37У, со стволом, удлинненным до 80 калибров. Боевая масса машины с десантом в одно отделение – около пятнадцати тонн.

Берия застыл перед боевой машиной пехоты как вкопанный, даже не пытаясь скрыть изумление.

– И это вы успели сделать всего за месяц...

Николай Федорович Шашмурин устало вздохнул.

– Еще раз повторяю: мы фактически скопировали переданный нам готовый проект, приспособив его под уже производящиеся в СССР комплектующие. Самое трудоемкое было сделано за нас и до нас, а нам оставалось лишь списать все без помарок... если вам будет угодна подобная школьная аналогия. При заводских испытаниях в условиях местной архангельской зимы машина показала результаты по проходимости значительно выше средних. Плевать она хотела на любые сугробы. Что же касается боевой машины пехоты как боевого инструмента, то ни у одной армии в мире сейчас нет ничего подобного.

Берия молча обошел вокруг машины, потом глянул на

конструктора.

– Вы сказали, что она уже сама ездит?

– И стреляет, – кивнул тот, – так что сейчас, чтобы выявить и устранить огрехи, для нее в первую очередь необходимо провести полный цикл государственных и войсковых испытаний.

Берия кивнул.

– Испытания в Кубинке мы вам обеспечим, а в войска ваши изделия в первую очередь поступят вашим старым знакомым. Если они дадут добро, будем считать, что и войсковые испытания прошли успешно. Это все?

– Из полностью готовых изделий пока все, – сказал Николай Федорович.

– А это что? – Берия показал в сторону нескольких облепленных рабочими корпусов, внешне весьма напоминающих БМП без башни.

– Это наш следующий этап, – ответил конструктор, – на основе уже готовой ходовой части БМП мы решили изготовить самоходную 122-мм гаубицу, самоходную противотанковую 85-мм пушку с орудием Ф-30 от танка Т-42, и самоходные зенитные установки в вариантах: с двумя пушками НС-37У или четырьмя авиационными пушками ВЯ-23. Для упрощения производства и обслуживания в войсках мы хотим добиться наибольшей унификации различных изделий. Поэтому, оставляя ходовую часть у отделения механика-водителя неизменной, мы меняли только конфигурацию баш-

ни и боевого отделения.

– Это вам даже очень хорошо хочется, – потер руки Берия, – даже очень хорошо. А то у нас некоторые товарищи любят оригинальничать кто во что горазд. Вам бы сюда некоторых на обучение... Что-то еще, товарищ Шашмурин?

– Пока все, товарищ Берия, – пожал тот плечами, – тяжелые самоходные установки под пушку-гаубицу МЛ-20 калибром 152 миллиметра, противотанковую пушку Ф-42 калибром 107 миллиметров и безбашенную установку под гаубицу Б-4 калибром 203 миллиметра планируется делать на едином шасси уже после завершения государственных испытаний среднего танка Т-42... И только потом мы будем готовы сделать по-настоящему тяжелый танк прорыва.

– Единое шасси – это вы хорошо придумали... – Генеральный комиссар госбезопасности принялся протирать платком свое пенсне. – Мало ли что еще сконструируют наши артиллеристы или ракетчики. Не вдаваясь в подробности, скажу, что не вас одного, как это там у них говорят, «озадачили».

– С единым шасси – это не я придумал, – честно признался Шашмурин, – товарищи подсказали. У них там, в будущем, такая штука в ходу, называется «единая боевая платформа». Получается как бы три весовых категории: легкая, единая с БМП, в пятнадцать-двадцать тонн весом; средняя, единая с танком Т-42 в двадцать пять-тридцать тонн весом; и тяжелая, единая с тяжелым танком, в тридцать пять-пятьдесят тонн весом...

– Тем лучше, – кивнул Берия, возвращая пенсне на место, – как там говорится – умный учится у других, а дурак – на своих ошибках? – Главный чекист СССР пожал конструктору руку. – Значит, так... Завтра с утра, Николай Федорович, я жду вас, с двумя вашими готовыми изделиями, на заводском полигоне. Там и поговорим. Надеюсь, хорошо поговорим...

25 февраля 1942 года, 21:05. Севастополь, Северная Бухта.

Ударное соединение Черноморского Флота в составе крейсеров «Молотов» и «Красный Крым», эсминца «Адмирал Ушаков» и всех четырех БДК, с недавно сформированным ударным механизированным полком морской пехоты на борту, покидало Северную бухту Севастополя. Эскорт соединения составляли эсминцы-«новики» еще дореволюционной постройки: «Железняков», «Шаумян», «Держинский», «Незаможник» и построенные уже в советское время эсминцы серий «7» и «7-У»: «Бодрый», «Бойкий», «Безупречный», «Бдительный», «Свободный», «Способный», «Смышленный», «Сообразительный». На борту каждого эсминца, помимо штатной команды, находилось по усиленной штурмовой роте морской пехоты. Каждая такая рота состояла из ста двадцати пяти бойцов, специально обученных с учетом опыта боев в Сталино и Славянске и вооруженных пистолетами-пулеметами Шпагина, самозарядными винтов-

ками Токарева и автоматическими винтовками Симонова.

Огневую поддержку штурмовым группам должны были оказывать два трофейных пулемета МГ-34 на одно отделение, полученных Черноморским флотом после разбора трофеев, оставшихся от 11-й армии вермахта. Ротный взвод огневой поддержки включал в себя четыре батальонных 82-мм миномета БМ-37 и столько же тяжелых 12,7-мм пулеметов ДШК, переведенных с колесного хода на трехногие станки, изготовленные на Севастопольском 201-м морзаводе по образцу станков от пулемета НСВ.

Задачей ударного соединения Черноморского флота в ходе запланированной на 26–28 февраля 1942 года операции «Черноморский экспресс» было внезапным ударом захватить и полностью уничтожить инфраструктуру румынского порта Констанца, восстановительные работы в котором после рейда, проведенного Черноморским флотом 10 января, были в разгаре. По данным советской разведки, на разбор завалов в Констанцу румыны согнали большое количество советских пленных, в основном из числа тех, что еще в самом начале войны попали в знаменитое окружение под Уманью. После ухода из Черного моря Эскадры Особого Назначения румынское и немецкое командование стало потихоньку ослабляться, и даже позволило себе снять некоторые части береговой обороны на усиление других участков фронта. А вот это безобразие советское командование решило полностью пресечь.

Страх получить еще один десант в мягком Черноморском подбрюшье должен был сковать высшее немецкое командование не меньше, чем ужас перед рейдами знаменитой тяжелой механизированной бригады генерала Бережного. Таким образом, операция «Черноморский экспресс» приобретала еще и характер очередной показательной порки вермахта, а заодно и румынской армии.

Кстати, с точки зрения стратегии и геополитики, «Черноморский экспресс» должен был стать для засевших в Проливах турок очевидным напоминанием о том, что все они смертны, а русские только-только начали показывать, на что они способны. Не Констанцей единой, как говорится...

Покинув пределы оборонительных минных полей Севастопольской базы, где то в 21:35 по московскому времени соединение развернулось в походный трехколонный ордер. Среднюю колонну, под флагом командующего ЧФ вице-адмирала Ларионова, возглавлял эсминец особого назначения «Адмирал Ушаков» – как корабль соединения, имеющий самое совершенное радиолокационное и акустическое оборудование. За ним следовал крейсер «Молотов», а в середине ордера находились все четыре БДК. Замыкал колонну крейсер «Красный Крым».

Эсминцы сопровождения составили правую и левую колонны ордера, причем старички «новики» замыкали походный порядок. Крейсерская скорость соединения по плану составляла восемнадцать узлов, время в пути – девять с поло-

виной часов.

26 февраля 1942 года, 05:15СЕ. Констанца

На ближних подступах к Констанце ударное соединение ЧФ начало готовиться к десантированию, перестраиваясь из походного порядка. Флота у румын не осталось еще с прошлого визита советских кораблей, восстановить береговые батареи они тоже не успели, так что, повинувшись командам с нащупывающего минные поля «Адмирала Ушакова», эсминцы направились вслед за ним прямо в гавань. С корабля из будущего в воздух поднялся вертолет дальней радиолокационной разведки, а на крымском аэродроме в Саках изготовилась к вылету переброшенная туда с вечера авиагруппа Особого Назначения в составе всех десяти Су-33. В общем, визит лисы в курятник со словами: «Не ждали, пернатые?».

В предутренней тьме орудийные залпы советских кораблей прозвучали громом с ясного неба. Одновременно с первыми выстрелами на «Адмирале Ушакове» включили систему радиоэлектронного подавления, а городскую телефонную станцию разбило артиллерийским огнем еще в самом начале вторжения.

Тем временем все двенадцать эсминцев подошли к пирсам и под прикрытием пулеметно-артиллерийского огня разом выбросили в порту десант. На флангах – у городков Текиргол на юге и Лумина на севере – с БДК высадились по два батальона механизированного полка морской пехоты. При

первых лучах восходящего солнца танки БТ-7В с десантом на броне стали обходить Констанцу с севера и юга, блокируя город со стороны суши. В самом городе штурмовые роты морской пехоты под прикрытием корабельной артиллерии завязали бой с румынским гарнизоном и охраной импровизированных лагерей для пленных и жандармерией.

Чего им не хватало для правильного ведения уличного боя, с точки зрения военной науки конца XX-начала XXI века – так это ручных, подствольных и станковых гранатометов. Попытки использовать в качестве подствольника советский 37-мм миномет-лопату наталкивались на крайнюю громоздкость этого девайса для данного применения, большую отдачу и невозможность произвести выстрел при малых возвышениях ствола для стрельбы по настильной траектории. Хотя, как говорят, на безрыбье и рак рыба – и некоторое количество таких минометов у бойцов штурмовых рот имелось.

Но и без этих дополнительных средств усиления десантировавшаяся на набережные советская морская пехота быстро смяла плохо организованное сопротивление гарнизона Констанцы, и к полудню, выйдя на западную окраину города, соединилась с механизированным полком, занявшим оборону по линии объездной дороги.

Свою роль сыграло и то, что пригнанные на работы советские военнопленные, размещенные во временных лагерях как раз на западной окраине города, взбунтовались при

приближении советских танков, и тем самым окончательно дезорганизовали оборону города. Бежать разбуженным конвоирам и остаткам разбитого гарнизона сразу стало некуда. Пленных тут не брали.

Фактически адмирал Ларионов повторил схему удачной Евпаторийской операции. Единственным отличием была меньшая неразбериха. Иной была и задача. Город надо было удерживать в течение двух-трех суток, а потом, производя обратную амбаркацию, эвакуировать десант в Севастополь. За это время было необходимо по возможности отправить на Большую землю всех освобожденных советских военнопленных, а также захваченных при штурме немецких и румынских специалистов, привлеченных к восстановительным работам.

Кроме того, советским саперам предстояло подготовить к взрыву все восстановленные портовые сооружения, НПЗ, железнодорожный вокзал и депо, а также все имеющиеся в городе каменные строения, используемые как казармы и государственные учреждения. Привет, так сказать, маршалу Антонеску.

Поэтому захватившая город советская морская пехота сразу после зачистки Констанцы от остатков гарнизона стала окапываться, отрывая по линии объездной дороги сплошную траншею. А БДК в сопровождении четырех эсминцев-«новиков», взяв на борт около двухсот раненых десантников и более двух тысяч освобожденных пленных, пошли в свой

первый челночный рейс на Севастополь. Обратно через сутки они должны были доставить боеприпасы для продолжения операции, а также саперов и взрывчатку для минирования в Констанце. При отсутствии в распоряжении румынского командования механизированных частей, держаться под прикрытием корабельной артиллерии десантники могли долго.

Разрозненные попытки румынской авиации и отдельных истребительных частей люфтваффе атаковать десант и флот пока не приносили им ничего, кроме потерь. Ме-109 и Хе-112 – это все, что немецко-румынское командование могло задействовать для ударов с воздуха. Перебазирование в Румынию бомбардировочных эскадр, хоть с Восточного фронта, хоть с Греции или Крита, требовало не менее недели. Также дополнительного времени (которого у немецко-румынского командования уже не было) требовал сбор к Констанце всех находящихся на территории Румынии боевых частей румынской армии.

Слова, использованные в случившемся по этому поводу телефонном разговоре между Адольфом Гитлером и румынским кондукатором (диктатором) маршалом Ионом Анто-неску, никогда не публиковались ни в немецких, ни в румынских словарях. Особую пикантность этой истории придало то, что в Констанце попала под удар советского десанта и бесследно сгинула группа высококвалифицированных немецких инженеров, прибывшая за пять дней до того для

скорейшего проведения пуско-наладочных работ на местном НПЗ. Бензиновый голод, продолжавший терзать фашистскую Германию, с каждым днем лишь усугублялся. И конца ему видно не было.

Советский вождь, напротив, получив известие об успешном начале операции, пребывал в наилучшем расположении духа, и, поздравив адмирала Ларионова, попросил его лишь: «Нэ поддавайтесь эйфории, товарищ Ларионов, и не зарывайтесь. Как говорил Владимир Ильич Ленин – лучше меньше, да лучше».

Лучший друг советских физкультурников знал, о чем говорил. Зимняя кампания 1941–42 годов, начавшаяся контрнаступлением Красной Армии под Москвой и продолжившаяся разгромом группы армий «Юг», должна завершиться еще одним сокрушающим ударом по немецко-фашистским захватчикам. Вызволить из Блокады Ленинград и на полную мощь использовать для достижения победы его промышленный потенциал – вот та первоочередная задача, стоящая сейчас перед РККА.

А Констанца... Констанца – это всего лишь отвлекающий удар и полигон для отработки «современных» высокотехнологических десантных операций. Когда-нибудь Красной Армии пригодится и этот опыт. Поэтому, выполнив задачу, десантное соединение должно отойти – по возможности, без потерь...

26 февраля 1942 года. Вечер. Восточная Пруссия.

Объект «Вольфшанце», Ставка фюрера на Восточном фронте.

Присутствуют:

Рейхсканцлер Адольф Гитлер;

Рейхсмаршал Герман Геринг;

Глава ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель;

министр вооружений Альберт Шпеер;

министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп;

министр пропаганды Йозеф Геббельс.

Возмущенные вопли рейхсканцлера оглушили всех приглашенных к нему на аудиенцию. Истерика фюрера была вызвана неблагоприятным развитием событий на фронте. С самого начала кампания на Востоке пошла не так как, планировалось. Но в последнее время высшее руководство Рейха было окончательно сбито с толку.

Немецкой разведке никак не удавалось установить место будущего зимнего наступления большевиков, последнего перед началом весенней распутицы. А что такое наступление неминуемо, не сомневался никто. По данным абвера, после завершения наступления под Москвой и ликвидации окруженных частей группы армий «Юг» у большевиков оставалось еще достаточно резервов, чтобы осуществить как минимум одну наступательную операцию фронтового масштаба. Но пока ничего подобного не происходило, Красная Армия перегруппировывалась и чего-то выжидала.

И чем дольше длилось предгрозовое затишье, тем ужасней обещала быть грядущая буря. Вопрос «где?» становился для Гитлера ключевым. Вермахт, понесший в Восточной компании ужасные потери, и теперь вытянувшийся в нитку от Херсона до Петербурга, был не в состоянии отразить русский удар наличными силами, без дополнительных резервов. К тому же немецкая армейская разведка неожиданно обнаружила, что из поля их зрения исчезла тяжелая механизированная бригада генерала Бережного, сыгравшую роковую роль в окружении немецких армий под Сталино. Исчезла, растворилась, растаяла в воздухе, а в ее полевом лагере как-то вдруг внезапно обнаружилась отведенная с Волховского фронта 4-я танковая дивизия, не имеющая в своем составе ни одного танка.

– Вы идиот, Кейтель! – кричал Гитлер на начальника Верховного командования Вермахта. – Большевики готовят наступление, но вам даже не дано понять, где именно! Русские в который раз бьют ваших генералов, а вы только пожимаете плечами! Как долго это будет продолжаться? Что могут означать русские удары под Петербургом, приковавшие к себе столько наших резервов? Что может означать, черт вас побери, русский десант в Констанце?! Линдемманн просит подкрепления, Антонеску просит подкрепления, фон Бок тоже просит подкрепления. Если дела так пойдут и дальше, Кейтель, то скоро у нас уже не останется резервов, чтобы их можно было перебросить к месту прорыва русских по их отвра-

тельными дорогам!

— Мой фюрер... — попытался оправдаться Кейтель, — измученные голодом и холодом немецкие солдаты сражаются как львы, отражая бешеный натиск большевистских орд...

— Сколько у вас боеспособных танков, Кейтель? — крикнул Гитлер, направив в сторону своего фельдмаршала указательный палец. — Двести, сто, десять или ни одного? Или вы думаете, что я не знаю истинного положения дел? Большевики творят на фронте все, что хотят, потому что вы, мои генералы, не сумели подготовиться к зимней кампании! Вы, генералы, обещали мне лично и всему немецкому народу взять Москву в сентябре, и закончить войну! Вы, а не немецкие солдаты, по полной программе обделались в России, и теперь вы же говорите мне, что не можете предугадать направления следующего русского удара! Где ваши Манштейны, Гудерианы, Клейсты, Готы? Они разгромлены русскими! Кто мне говорил, что Красная Армия — это колосс на глиняных ногах? Где ваша хваленая разведка, где ваш сухопутный адмирал Канарис? Вы, Кейтель, постоянно дезинформировали меня, и теперь Германия вынуждена вести тяжелую изнуряющую войну на уничтожение. Молчите, Кейтель? Молчите и дальше... Думаю, что на скамье подсудимых вы будете более разговорчивыми!

Пока ошарашенный Кейтель прилагал все силы, чтобы не грохнуться в обморок, Гитлер повернулся к «Толстому Герману», следующему фигуранту разноса.

– Скажите, Геринг, почему я ежедневно получаю с Восточного фронта жалобы на неоправданную пассивность люфтваффе? Почему наши солдаты порой сутками не могут увидеть над головой немецкий самолет? И что это за история с прекращением полетов к нашим окруженным солдатам под Демянском? Что значит «неоправданный риск»? Семь наших дивизий, в том числе дивизия СС, взяты русскими в кольцо и гибнут из-за отсутствия боеприпасов продовольствия и медикаментов, а вы говорите о неоправданном риске! Раненые немецкие солдаты умирают прямо в госпиталях из-за невозможности обеспечить им соответствующий уход, а храбрые немецкие летчики отказываются лететь за ними в Демянск. Второй армейский корпус удерживает важнейший узел шоссейных дорог, Геринг, а вы отказываете его доблестным солдатам в помощи!

– Мой фюрер... – Заплывшая жиром туша рейхсмаршала возмущенно колыхнулась. – Мы прекратили помощь Демянску только после того, как потеряли там больше сотни транспортных самолетов. Оба аэродрома на Демянском плацдарме разбиты русской артиллерией, а в воздухе свирепствуют их ночные истребители. Надо учесть, что часть наших сил отвлечена на помощь Девятой армии Моделя, которую русские точно так же зажали в Ржевской мышеловке. Кроме того, русские неоднократно наносили бомбовые удары своими новейшими бомбардировщиками по аэродромам под Псковом и Смоленском, с которых осуществляются полеты нашей

транспортной авиации к Демянску и Ржеву. При этом, как докладывают зенитчики, эти самолеты совершенно невозможно сбить, потому что летают они быстрее скорости звука.

Оправдания Геринга только сильнее разозлили Гитлера.

– Что значит, что вы потеряли больше сотни самолетов?! – вскричал он. – Вы фанфарон и бездельник, Геринг! Почему русские, а не немецкие, самолеты летают быстрее скорости звука? Где прославленный гений немецкий авиаконструкторов, где наши «Мессершмитты», «Фокке-Вульффы», «Хейнкели» и «Юнкерсы»? Где ваша воздушная разведка? Если эти тупицы из абвера не могут ответить на вопрос, где начнется русское наступление, то почему этот ответ не могут дать пилоты люфтваффе? Чем занимается эскадрилья Ровеля, Геринг? Где вообще само люфтваффе?! Почему немецкие солдаты в окопах на Восточном фронте вдруг оказались один на один с большевистскими ордами? Почему русские смогли высадить десант в Констанце, а вы не смогли направить против них ничего, кроме нескольких истребителей? Возьмите бомбардировочные части из Италии и с Крита и перебросьте туда хоть что-нибудь! Русские, укрепившиеся в Констанце, угрожают нефтеносному району Плоешти, так что этот десант должен быть сброшен в море любой ценой. Берите где хотите и кого хотите, хоть с Восточного фронта, но поддержите румын, которые штурмуют сейчас русские полевые укрепления вокруг Констанцы. Начните перебазирование немедленно! Чтобы через неделю русский десант

был уничтожен вместе с их Черноморским флотом. Вам ясен приказ, Геринг?

– Так точно, мой фюрер! – вытянулся в струнку рейхсмаршал, машинально пряча за спиной свой украшенный драгоценностями жезл.

– То-то же... – проворчал немного успокоившийся Гитлер, и посмотрел на министра иностранных дел. – Вы, Риббентроп, так до сих пор и не смогли добиться того, чтобы наши японские союзники начали наступление против России на Дальнем Востоке. Вместо этого они начали совершенно ненужную нам войну с США. А для нее очередь должна была подойти позже. Теперь же из Сибири к Сталину дивизия за дивизией идут свежие подкрепления. Это ваш провал, Риббентроп, и вам за него отвечать. Теперь, когда наши солдаты сражаются и умирают на Восточном фронте, вы должны надавить на всех наших союзников в Европе. Пусть свои войска на восток пошлют Италия, и особенно Испания. Намекните Франко, что долг платежом красен, и поэтому, раз немецкие солдаты помогли ему справиться с испанскими большевиками, он теперь должен помочь нам справиться с русскими большевиками.

Озаренный неожиданной мыслью, Гитлер, до этого бегавший по кабинету, вдруг остановился как вкопанный.

– Кстати, пригрозите шведам вторжением наших войск – пусть вступают в наш антикоминтерновский пакт. Кейтель, достаньте из своих архивов план «Йолька». И намекните

этим вечным нейтралам, что нельзя бесконечно отсиживать-ся, прикрываясь своим нейтралитетом. Сейчас, когда решается судьба Европы, потомки викингов не могут безучастно смотреть, как лучшие сыны Германии гибнут в сражениях с большевиками. Кто не с нами, Риббентроп, тот против нас. Сейчас, когда русский большевизм и англо-американская плутократия готовы удушить арийскую цивилизацию, не может быть нейтральных и безучастных. Объявите шведам, испанцам и португальцам, чтобы они побыстрее определились со своей позицией в этой великой битве. Следующий год будет решающим для судеб Рейха и Европы. Вам все ясно, Риббентроп?

– Да, мой фюрер, мы немедленно займемся выполнением вашего поручения, – ответил министр иностранных дел Рейха, уже попавший в историю благодаря заключению пакта, получившего его имя.

– Теперь вы, Йозеф... – с Геббельсом Гитлер был уже не так официален. – Нам нужна самая неистовая пропаганда, направленная на датчан, голландцев, бельгийцев и прочих норвежцев, по злой иронии природы числящихся арийскими народами. Нам требуется возместить наши потери на Восточном фронте, и немцев уже не хватает. Именно поэтому нам нужны добровольцы. Причем добровольцы не только для вспомогательных войск, но и в части ваффен СС, которые формирует рейхсфюрер Генрих Гиммлер. Не забывайте про латышей, эстонцев и литовцев. Пусть они и недочелове-

ки, но ненавидят русских, а значит, мы тоже можем и должны их использовать. Пообещайте им, что после войны мы признаем всех солдат СС истинными арийцами – тех, кто выживет, конечно. И не морщитесь так, Йозеф – вы же знаете, что обещание данное унтерменшу, ничего не значит. Тем более что ставить эти части ваффен СС мы будем на самые опасные участки фронта, предварительно повязав их всех кровью русских пленных. Такую же активную пропаганду, Йозеф, вы должны развернуть среди французов, и особенно поляков. Пусть думают, что они тоже смогут стать когда-нибудь рядом с нами, истинными арийцами. Ха! Чем больше их погибнет на Восточном фронте, тем больше жизней немецких солдат мы сохраним. Не забывайте, что я только что говорил, и пусть знают в Европе: Германия в России сражается не только за германскую расу, но и за всю европейскую цивилизацию. Поэтому вся Европа должна напрячь свои силы в борьбе с азиатскими ордами. Те, кто не вступит добровольно в ваффен СС, будут мобилизованы для работы в германской промышленности. Сейчас, когда остро не хватает рабочих рук, на счету каждый потенциальный солдат или рабочий. Я говорю это и для вас, Альберт – к первому апреля у вас должна быть готова программа, когда и сколько рабочих вы сможете задействовать в интересах Рейха. Если французские, чешские, бельгийские, голландские заводы и так работают на нас, то рабочих надо будет всего лишь перевести на казарменное положение. Если же нет, то вы вольны распо-

ряжаться этими предприятиями и рабочей силой по своему усмотрению. К черту адвокатов, журналистов, художников, писателей и театральных критиков, если они не немцы. Никто в Европе не имеет право бездельничать, когда немецкая армия истекает кровью на Востоке. Пусть все запомнят: война с большевизмом – это тотальная война... Все наши силы должны быть брошены на Восток!

После этих слов у Гитлера пересохло в горле; он вдруг замолчал и обвел выпученными глазами присутствующих. Кейтель, первым сообразивший, что случилось, пшикнул из стоявшего на столике сифона воду в стеклянный стакан и подал его фюреру. Гитлер сделал несколько глотков, благодарно кивнул фельдмаршалу и махнул рукой.

– На сегодня все, господа, вы свободны. И вы, Кейтель, тоже. Идите, и думайте, что вы еще можете сделать полезного для Рейха, и немецкого народа... Я вас больше не задерживаю...

26 февраля 1942 года, поздний вечер. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Сталина.

Присутствуют:

Верховный главнокомандующий Сталин Иосиф Виссарионович;

Генеральный комиссар ГБ Берия Лаврентий Павлович;

Начальник Генштаба Василевский Александр Михайло-

вич.

– Итак, товарищи, – Верховный Главнокомандующий чуть вразвалку прошелся по кабинету, – что мы имеем на текущий момент? Начнем с вас, товарищ Василевский, докладывайте.

– Товарищ Сталин, обстановка на фронтах следующая... – начал свой доклад начальник Генерального Штаба. – Отвлекающие операции, проводимые в полосе 54-й и 2-й ударных армий, вызвали перегруппировку частей группы армий «Север» в нужном нам направлении. По данным радиоперехвата, генерал-полковнику Кюхлеру, командующему группой армий «Север», верховным германским командованием было отказано в передаче части резервов от группы армий «Центр». Противник обеспокоен переброской на Западный фронт части наших сил, высвободившихся после завершения операций на юге и выводимых из Ирана. Согласно плану проведения зимней кампании, мы всячески демонстрируем передислокацию войск в направлении Москвы. Но при этом, напротив, тщательно скрываем как отвод потрешанных соединений в тыл, так и переброску свежих сил в направлении Валдая или Тихвина.

– Вы полагаете, что кампания по дезинформации немецкой разведки удалась? – спросил Сталин, прохаживаясь по кабинету.

– Так точно, товарищ Сталин, – подтвердил Василевский. – Более того, немецким командованием даже не оста-

новило передислокацию на юг части сил, снятых для усиления разгромленной группы армий «Юг», чему, скорее всего, способствовала и отвлекающая операция Черноморского флота в Констанце. В результате Мгу и Любань сейчас остервенело штурмуют части, снятые из-под Ленинграда, а также полицейские и охранные батальоны, переброшенные из Прибалтики. В отсутствие у противника механизированных частей сражения за Мгу и Любань приобрели позиционный характер – эдакие маленькие Вердены. Немцы имеют мизерные результаты при огромных потерях в живой силе. Нашим же войскам позволяет держаться не только осознание правоты своего дела, но и своевременная разведка и нормальное снабжение продовольствием, боеприпасами и медикаментами по действующим железнодорожным веткам.

Сталин загадочно улыбнулся в усы.

– Товарищ Мерецков жаловался в ЦК, на вас, товарищ Василевский, что вы отстранили его от планирования и проведения наступательных операций этих двух армий. Мы понимаем, что это было вызвано вашим стремлением сохранить режим секретности при планировании и подготовке операции – но скажите, что нам ответить товарищам из ЦК, беспокоящихся, как бы товарища Мерецкова не постигла судьба генерала Козлова и адмирала Октябрьского?

Вместо Василевского ответил Берия:

– Мы знаем о таких опасениях, товарищ Сталин. В связи с тем, что товарищ Мерецков был привлечен к планирова-

нию и проведению нескольких крайне неудачных для РККА операций, в отношении него проводится негласная проверка органами госбезопасности на предмет выяснения, были эти неудачи следствием измены Родине или же товарищ Мерецков по деловым и моральным качествам просто не соответствует занимаемой им высокой должности. И в том, и в другом случае, товарищ Василевский со мной в этом полностью согласен: было бы верхом легкомыслия допускать товарища Мерецкова к разработке операций, даже косвенно связанных с подготовкой к действиям по плану «Молния».

– Так точно, товарищ Сталин, – поддержал Берию Василевский, – освобождение Крыма и успешно осуществленный план «Полынь» уже поставили вермахт в крайне тяжелое положение и приблизили нашу окончательную победу не менее чем на полгода. План «Молния», к осуществлению которого в настоящее время все готово, может иметь для сроков завершения войны и конечного рубежа продвижения не меньшее значение, чем «Полынь». Действия противника, обнаруженные нашей разведкой, говорят о том, что наш замысел остается неизвестен германскому командованию, и оно до сих пор ожидает нашего наступления на Смоленск, а также начала ликвидации блокированной в Ржеве группировки генерала Моделя.

– Я понимаю ваше желание не рисковать, – задумчиво сказал Сталин, – также мне известно и о том, что наше преимущество над немцами, связанное с наличием подготовлен-

ных резервов, может закончиться в самое ближайшее время. Гитлер просто зарвался и, начав войну против СССР, не рассчитал наличия живой силы, запасов топлива и ресурса техники. В ТОТ РАЗ наши командиры не смогли грамотно воспользоваться этим обстоятельством, и, за исключением контрнаступления под Москвой, бездарно растеряли все преимущества. Это ни в коем случае не должно повториться. Кроме того, мы не сможем выиграть всю войну с помощью техники бригады товарища Бережного, какой бы мощной и совершенной она ни была. Товарищ Берия, вы только что вернулись из Молотовска – как там продвигается работа у товарища Шашмурина?

– Вот... – Берия раскрыл большую кожаную папку, и достал из нее стопку фотографий, и передал их Сталину. – Танк Т-42, в прошлой жизни известный как Т-44. Вооружен 85-мм танковой пушкой, конструкции Грабина, бронирование относительно Т-34 усилено в самых поражаемых местах. По комплектующим и технологиям на восемьдесят процентов совместим с Т-34, на десять процентов – с КВ-1. Готов к массовому производству. Прошел заводские испытания, в настоящий момент моим распоряжением направлен на полигон в Кубинке. Обкатку машины на заводском полигоне производил имеющий боевой опыт экипаж, прибывший на завод вместе со мной. Отзывы о танке самые превосходные.

– Красавец! – сказал Сталин, перебирая фотографии. – Думаю, что при массовом появлении этих машин на фронте

немецкие танкисты будут неприятно поражены. Это все?

— Нет, товарищ Сталин, не все. — Берия вытащил из папки новую пачку снимков. — К государственным испытаниям готова полностью изготовленная из советских комплектующих боевая машина пехоты образца 1942 года. То есть БМП-42. Прототипом для этой машины послужила компоновочная схема и обводы корпуса разработанной в конце 70-х годов советской БМП-2. Двигатель от тягача «Ворошиловец», ходовая и трансмиссия от Т-34, пушка НС-37, забракованная нашими авиаторами как слишком мощная и имеющая чрезмерную отдачу. Но, как показали первые испытания, для пятнадцатитонной машины, твердо стоящей на гусеницах, эта пушка подходит как нельзя лучше. Экипаж машины — два человека: водитель и командир-наводчик. В десантном отделении помещается восемь стрелков. Единственный минус — из-за низкого потолка десантного отделения стрелки должны быть вооружены оружием, имеющим длину без прикинутого штыка не более одного метра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.